

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

HUMANITARIAN ACCENT
№ 2

Scientific quarterly

Political design
in the space of social communications

Moscow 2024

ISSN 2542-2030

ГУМАНИТАРНЫЙ АКЦЕНТ
№ 2

Ежеквартальный научный журнал

Политическое проектирование
в пространстве социальных коммуникаций

Москва 2024

Редакционный совет

А.Б. Безбородов, д-р ист. наук, проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. наук, проф.

Е.В. Барышева, д-р ист. наук, доц.

Л.Н. Вдовиченко, д-р социол. наук, проф.

Гудрун Ершов (Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия)

Г.Г. Ершова, д-р ист. наук, проф.

В.И. Заботкина, д-р филол. наук, проф.

Г.И. Зверева, д-р ист. наук, проф.

В.А. Колотаев, д-р филол. наук, проф.

Н.Л. Лепе, канд. физ.-мат. наук, доц.

С.Ю. Неклюдов, д-р филол. наук, проф.

О.В. Павленко, д-р ист. наук, проф.

Н.В. Ростиславлева, д-р ист. наук, проф.

И.С. Смирнов, канд. филол. наук

А.А. Столяров, канд. ист. наук, доц.

П.П. Шкаренков, д-р ист. наук, проф.

Редакционная коллегия

Е.А. Долгова, гл. ред., д-р ист. наук, доц.

И.П. Азерникова, канд. ист. наук, доц.

П.А. Алипов, канд. ист. наук, доц.

Ю.Г. Бит-Юнан, д-р филол. наук, доц.

Н.А. Комочев, канд. ист. наук, доц.

Е.А. Косован, канд. ист. наук, доц.

И.С. Курилович, канд. филос. наук, ст. науч. сотр.

Н.В. Петров, канд. филол. наук, доц.

Н.А. Филин, д-р ист. наук, доц.

Ответственный за выпуск

С.П. Донцев, канд. полит. наук

Ответственный секретарь

Э.С. Сокрутницкий, магистрант, 2-й курс ФАД РГГУ

Содержание

Политические коммуникации

М.С. Михайлина

Технологии «распространения постправды»
и «разрушения правды» в современном
коммуникационном пространстве 8

А.Н. Брад

Интернет-ресурсы как инструмент реализации
государственной национальной политики
Российской Федерации 15

П.С. Котова

Тенденции развития государственного контроля
и регулирования сетевой активности в Рунете 22

Государственная политика

А.А. Еремина

Энергетическая политика России в условиях
развертывания антироссийских санкций 30

А.А. Кутузова

«Политика памяти» в Евросоюзе: анализ подходов
и перспективы трансформации 37

Политические процессы и технологии

А.А. Субботина

Политическая стабильность как фактор политической
выживаемости глав в условиях конкурсной модели избрания
(на примере Пермского края и Свердловской области) 47

Политическая конфликтология

А.И. Шушлебин

Методы противодействия попыткам государственных переворотов на примере событий в Беларуси и Казахстане в 2020–2022 гг. 57

М.А. Канифатов

Влияние этнополитических конфликтов на федеративные отношения в современной России: институциональные аспекты и политика памяти 64

Геополитика

М.А. Никольский

Субъектность Европейского союза в геополитических процессах: вызовы 2019–2023 гг. 71

Хроника событий

Д.В. Миклушова

Советская наука и технологии в оптике молодых ученых: РГГУ на площадке Политехнического музея 78

Abstracts 80

Сведения об авторах 86

Contents

Political communications

M.S. Mikhailina

Technologies of “spreading post-truth” and “truth decay”
in modern communication space 8

A.N. Brad

Internet resources as a mean of implementation
of the state national policy of the Russian Federation 15

P.S. Kotova

The trend governmental control development
over network activity in Runet 22

State policy

A.A. Eremina

Russia’s energy policy in the context
of the deployment of anti-Russian sanctions 30

A.A. Kutuzova

The “Politics of memory” in the European Union:
analysis of approaches and prospects for transformation 37

Political processes and technologies

A.A. Subbotina

Political stability as a factor of political survival
for local leaders in a competitive election model
(examples of Perm Region and Sverdlovsk Region) 47

Political conflictology

A.S. Shushlebin

Methods of countering coup attempts on the example
of events in Belarus and Kazakhstan in 2020–2022 57

M.A. Kanifatov

The impact of ethnopolitical conflicts on federal relations
in modern Russia: institutional aspects and politics of memory 64

Geopolitics

M.A. Nikolskiy

Subjectness of the European Union in geopolitical processes:
challenges 2019–2023 71

Chronicle of events

D.V. Miklushova

Soviet science and technology through the eyes of young researchers:
Russian State University for the Humanities on the platform
of the Polytechnic Museum 78

Abstracts 80

Data about the authors 86

Политические коммуникации

УДК 070:004.738.5
ББК 76.0+32.971.353

М.С. Михайлина

Технологии «распространения постправды» и «разрушения правды» в современном коммуникационном пространстве

Статья посвящена изучению использования технологий «распространения постправды» и «разрушения правды» в средствах массовой информации и в интернет-коммуникации. Особое внимание уделяется механизмам, запускающим процесс «разрушения правды», а также этапам, его составляющим. В статье также приводится классификация постправды в зависимости от первоначально преследуемых целей распространяющих ее интересантов, а также ключевые маркеры явления. Раскрыт алгоритм распространения постправды. Отдельное место отведено роли цензуры в механизме «разрушения правды». Приведены примеры наиболее часто встречающихся искажений передачи информации, имеющих непосредственное влияние на разрушение правды. Даны рекомендации по самостоятельному выявлению постправды и сопротивлению влиянию механизма «разрушения правды» для конкретного индивида.

Ключевые слова: феномен «разрушения правды», распространение постправды, эпистемический пузырь, эхо-камера, эффект прайминга, цензура, фактчекинг

То, что мы сегодня понимаем под термином «разрушение правды», – явление не новое. Еще Платон упоминал в своих трудах подобный феномен как целенаправленное искажение информации в передаваемых сообщениях¹. Однако непосредственно понятие «разрушение правды» стало использоваться научным сообществом после публикации в 2018 г. монографии американских аналитиков корпорации «RAND» Дж. Каваны и М.Д. Рича. В их интерпретации «разрушение правды» получает широкую распространенность в со-

© Михайлина М.С., 2024

¹ Платон. Государство // Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 79–420.

временном пространстве коммуникационных исследований и подразумевает собой комплекс из четырех составляющих: 1) нарастание противоречий между фактами, объективными данными и их интерпретациями; 2) стирание различий и границ между фактами и мнениями; 3) количественный рост распространяемых в медиасреде мнений и личных точек зрения, влияние которых существенным образом сказывается на восприятии фактов; 4) утрата доверия массовой аудиторией к традиционным источникам информации, прежде считавшимся авторитетными [Kavanagh, Rich 2018, p. 3]. Все указанные составляющие тесно связаны между собой и взаимно перетекают друг в друга.

Если данный процесс уже запущен (что может происходить как непреднамеренно, так и целенаправленно), то его результат неминуем. И в качестве такого результата выступает «постправда» – картина восприятия, замещающая истину, но не являющаяся откровенной ложью. С этого момента мнение общественности начинает формироваться эмоциями и личными мнениями, а не фактами². Но если «постправда» может формироваться и спонтанно, то «разрушение правды» и «распространение постправды» – это всегда преднамеренный процесс.

В запуске и поддержании процесса «разрушения правды» существенную роль играют эффекты эпистемического пузыря и эхо-камеры. В эпистемический пузырь, или относительно обособленное коммуникационное пространство, в котором утвердилось не истинное знание, а только представление о знании, индивид попадает, если часть объективной информации о происходящих событиях либо утрачена в процессе ее передачи, либо целенаправленно скрыта. Впоследствии, получая уже новые сведения, разнящиеся с уже имеющимися, участник коммуникативной цепочки не будет считать их правдивыми. Это связано с психологическими особенностями человека, его стремлением к отторжению неизвестной ранее информации, которая носит эмоциональную окраску, нехарактерную для уже сложившихся в сознании данного индивида устойчивых представлений. Впервые на это явление указал гештальт-психоаналитик Л. Фестингер [Фестингер 1999].

Параллельно с процессом отторжения информации, считающейся индивидом неприемлемой, происходит «защита» уже имеющейся версии событий путем ее многократного повторения и усиления влияния, что характерно как в отношении отдельных участников коммуникативной цепи, так и в отношении закрытых сообществ. Такой эффект получил название «формирование эхо-камер» [Грачев 2022, с. 167–168].

² Flood A. Fake News Is “Very Real” Word of the Year for 2017 // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/books/2017/nov/02/fake-news-is-very-real-word-of-the-year-for-2017> (дата обращения 26.01.2024).

Из когнитивизма в политологию пришел еще один прием, активно используемый в средствах массовой информации для «распространения постправды» и ее закрепления в умах целевой аудитории (группы) – прием прайминга. Суть этого процесса такова: первичный «вброс» информации влияет на восприятие сведений, непосредственно следующих за ним. Эффект может быть кратковременным (чаще) или долговременным, в зависимости от особенностей нейромедиаторного обмена, регулирующего мыслительные процессы конкретного индивида. В данном случае речь идет уже о целенаправленном формировании эхо-камеры для индивидов, а это означает, что прайминг имеет прямое отношение к технологиям «распространения постправды» в средствах массовой информации.

В «случайном» попадании индивидов в эпистемические пузыри, где имеется только представление о знании вместо самого знания, но не отрицающее существования явления, знание о котором рассматривается [Woods 2005, р. 731–774], заметную роль играет цензура. Она не всегда имеет политический характер: речь вполне может идти о бытовой цензуре и самоцензуре при передаче информации, способной, как предполагает коммуникатор, оказать травматичное воздействие на слушателя. Однако это не отрицает наличие цензуры на государственном уровне, осуществляемой в том числе и по политическим (а не только морально-этическим) соображениям, и органов, следящих за соблюдением ее ограничений³.

Развитие цифровых технологий существенно облегчило человечеству нелегкую задачу освещения в СМИ чрезвычайных ситуаций, являющихся неотъемлемой частью его существования. Однако оно поставило ряд вызовов перед индивидами, потребляющими информационный контент. Человеку свойственно доверять такой форме подачи информации, как прямое включение с места событий. Людям, далеким от технической стороны вопроса съемок на видеотехнику, может не прийти в голову мысль о том, что снимать можно лишь часть экспозиции, а также менять ракурс съемки по желанию или требованию заказчиков или же применить так называемый эффект Кулешова – прием, разработанный одним из основателей советской кинематографической школы Л.В. Кулешовым в 20-е гг. XX в., при котором два и более непосредственно идущих друг за другом кадра создают единство места и времени происходящего [Кулешов 1929]. Безусловное доверие «показываемой картинке» совместно с незнанием профессионально-технического аспекта неминуемо способствует попаданию зрителей в эпистемический пузырь.

³ Лазарев Б.М., Иванов Б.Ю. Цензура // Большая советская энциклопедия: В 30 т. Т. 28: Франкфурт – Чага. М.: Советская энциклопедия, 1978. С. 489–490.

Возвращаясь к вопросам цензуры, можно ставить под сомнение, что известные приемы на телевидении, такие как «пикселизация» (те самые «квадратики» с более низким разрешением изображения) и «полоски цензуры» (большие черные прямоугольники), скрывают только лишь «неприличную» часть изображения или так называемый шок-контент.

Наличие постановочной экранизации произошедшего – довольно частое явление в телепередачах и интернет-трансляциях как сугубо развлекательного, так и более серьезного характера. Череда судебных претензий от лиц, чьи действия пытались передать с помощью актерской игры и декораций, привела к последующей замене натуралистических съемок на компьютерную графику.

Недоверие к источникам, прежде считавшимся авторитетными, но прибегающим к использованию подобных приемов, приводит к «уходу» целевой аудитории прессы, теле- и радиовещания в сторону обращения к интернет-ресурсам с целью восполнения картины происходящего такой информацией, которая, по мнению читателей, слушателей, зрителей, якобы была целенаправленно скрыта или же искажена. Однако подобные порывы «докопаться до сути» не позволяют этого сделать, а, напротив, уводят индивидов, уверовавших в собственную сознательность, все дальше и дальше от истинных событий. Не вызывает сомнения, что многочисленные блогеры всегда закладывают в освещение абсолютно любого события свою собственную позицию – гражданскую, политическую, моральную⁴. Очевидно, что в данном случае при размещении фотографий и видеосюжетов якобы с места событий вполне могут применяться технологии, аналогичные «разрушению правды» и «распространению постправды».

Существенную роль в восприятии информации реципиентами играет ее доступная форма изложения, под которой обычно подразумевается «понятность» и «доходчивость». Именно поэтому одним из широко применяющихся методов «разрушения правды» является описание произошедшего с использованием «непонятной», но «умной», сугубо профессиональной лексики узкой направленности. И особенное распространение эта технология получает как раз в интернет-пространстве⁵.

В погоне за рейтингом и стремлением осветить чрезвычайную ситуацию интернет-коммуникаторы могут использовать фейковые аудио-, видео- и фотоматериалы якобы с места события, а также

⁴ Крымск затопили ради спасения дач Путина, Ткачева и Патриарха // Блог-платформа LiveJournal. URL: <https://norna-dv.livejournal.com/570981.html> (дата обращения 26.01.2024).

⁵ Березин В. Истинные обстоятельства гибели «Курска» // Блог-платформа LiveJournal. URL: <https://berezinan55.livejournal.com/372202.html> (дата обращения 26.01.2024).

непроверенные предположения, выдаваемые за версии произошедшего. При невозможности получения реальных материалов с места происшествия могут быть использованы материалы, отражающие подобные события, которые произошли ранее⁶.

«Постправда» логически завершает процесс «разрушения правды» и образует самостоятельный поток информации, формируемый и контролируемый интересантами, среди которых могут быть лица, как имеющие отношение к политике, так и находящиеся вне ее. Это явление не может быть полностью оторванным от реальности, но вместе с тем оно неизбежно несет в себе некоторый посыл к формированию определенных убеждений или переходу к конкретным действиям, выгодным заинтересованной стороне. Поэтому «постправду» вполне можно классифицировать исходя из целей, преследуемых интересантами: 1) утаивание или оправдание; 2) повышение популярности; 3) уничтожение конкурентов; 4) манипулирование; 5) отвлечение внимания [Манойло, Попадюк 2020].

К числу наиболее часто используемых технологий «распространения постправды» следует отнести: 1) выборочное освещение вопросов (так называемая установка собственной повестки дня); 2) фиксацию этой установки за счет прайминга; 3) вброс ложных новостей, так называемых фейков, выдаваемых за проверенную информацию; 4) выдвижение «альтернативных версий»; 5) использование известных и уважаемых личностей для подтверждения нужной информации, которых в свое время П. Лазарсфельд и его коллеги называли «лидерами общественного мнения» [Лазарсфельд 2018].

Характерными маркерами постправды выступают: 1) бесконечное повторение одного и того же одними и теми же словами; 2) обоснование собственных слов вместо контраргументов на критику; 3) воззвание к авторитету; 4) апелляция к общечеловеческим чувствам и эмоциям; 5) непротиворечивость⁷.

Технологии «разрушения правды» и «распространения постправды» одинаковы как в российском, так и в зарубежном интернет-пространстве. Распространение эмоционально окрашенного контента вкпе с определенной манерой его подачи используется коммуникаторами для целенаправленного вызова у аудитории нужного отклика. Поскольку применение подобных технологий преследует вполне конкретные цели, то следует насторожиться, если получаемые сведения, всколыхнув необъяснимую бурю эмоций, сразу наталкивают

⁶ Вражина А. Зачем вы врете? Блогеры не поверили в официальную версию крушения «Невского экспресса» // Российское интернет-издание Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2009/11/30/blogs/> (дата обращения 26.01.2024).

⁷ Смирнова В. Постправда как манипулятор сознанием и мнением // Социальная сеть для юристов «Закон.ру». URL: <https://zakon.ru/> (дата обращения 26.01.2024).

нас на мысли о действиях, которые до получения этой информации не представлялись нам возможными.

Бороться с указанными явлениями путем совершенствования законодательной базы, безусловно, необходимо. Однако не менее важно, чтобы пользователи Всемирной сети не только вырабатывали в себе критическое отношение к получаемой информации, в особенности – к эмоционально окрашенной, но и овладевали приемами проверки фактической точности распространяемых сообщений и заявлений, за которыми в профессиональном сообществе закрепилось название фактчекинга. В плане осознания остроты данной проблемы весьма показательным, что осенью 2020 г. Стэнфордский университет и Массачусетский технологический институт совместно организовали проведение онлайн-курса «Отличаем правду от вымысла: гражданское онлайн-рассуждение», предназначенного для преподавателей университетов, которые хотели бы обучить студентов основам проверки фактов⁸. Очевидно, что разработка подобного курса, основанного на российских реалиях, была бы не только полезна, но и крайне востребована в нашей стране.

Литература

- Грачев 2022 – *Грачев М.Н.* Сетевое противостояние эхо-камер как «война смыслов» // *Медиа в современном мире. 61-е Петербургские чтения: сборник материалов Международного научного форума (21–22 апреля 2022 г.) / Отв. ред. А.А. Малышев: В 2 т. Т. 2.* СПб.: Медианапир, 2022. С. 167–168.
- Кулешов 1929 – *Кулешов Л.В.* Искусство кино: (Мой опыт). М.: Теа-кино-печать, 1929. 153 с.
- Лазарсфельд 2018 – *Лазарсфельд П.* Вводная часть ко второму изданию книги «Выбор народа: как избиратель принимает решение в президентской кампании» // *Социологический журнал.* 2018. Т. 24. № 4. С. 154–176.
- Манойло, Попадюк 2020 – *Манойло А., Попадюк А.* «Постправда» как социальное явление и политическая технология // *Международная жизнь.* 2020. № 8. С. 102–111.
- Фестингер 1999 – *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса = A theory of cognitive dissonance. СПб.: Ювента, 1999. 251 с.
- Kavanagh, Rich 2018 – *Kavanagh J., Rich M.D.* Truth Decay: An Initial Exploration of the Diminishing Role of Facts and Analysis in American Public Life. Santa Monica, California: RAND Corporation, 2018. 301 p.
- Woods 2005 – *Woods J.* Epistemic bubbles // *We Will Show Them: Essays in Honour of Dov Gabbay / Ed. by S. Artemov, H. Barringer, A. Garcez, L. Lamb, J. Woods.* Vol. II. London: College Publications, 2005. P. 731–774.

⁸ Sorting Truth From Fiction: Civic Online Reasoning // edX.org. URL: <https://web.archive.org/web/20200924202407/https://www.edx.org/course/sorting-truth-from-fiction-civic-online-reasoning> (дата обращения 26.01.2024).

УДК 004.738.5:323(470)
ББК 32.971.353+66.5(2Рос)

А.Н. Брад

Интернет-ресурсы как инструмент реализации государственной национальной политики Российской Федерации

В статье анализируются характерные особенности реализации государственной национальной политики в рамках различных государственных интернет-ресурсов. Особое внимание уделяется оценке уровня вовлечения граждан в проблематику гармонизации и укрепления межэтнических и межрелигиозных отношений при помощи цифровых сервисов. Произведен сбор и анализ статистических данных о посещаемости государственных ресурсов, а также общего количества времени, которое посетители проводят на их страницах. Указаны основные проблемные аспекты, являющиеся значительными препятствиями при реализации государственной национальной политики в рамках деятельности государства в интернет-пространстве. Анализ производился на основе материалов, размещенных на сайте Федерального агентства по делам национальностей, Комитета Государственной думы по делам национальностей, а также Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям.

Ключевые слова: цифровизация, стратегия, государственная национальная политика, государственные интернет-ресурсы

Российская Федерация – государство, в котором проживают представители более 193 национальностей, являющиеся носителями различных языков, конфессий, а также обладающие уникальными культурными особенностями¹. Подобное многообразие одновременно является одним из величайших богатств России, однако вместе с тем нередко становится причиной возникновения бытовых и этнополитических конфликтов. Указанный факт ставит задачу по укреп-

© Брад А.Н., 2024

¹ Всероссийская перепись населения 2020 года // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (дата обращения 02.01.2024).

лению межнационального и межрелигиозного согласия, а также сохранению всего этнокультурного многообразия, которая решается в рамках реализации государственной национальной политики Российской Федерации.

Первым ключевым документом в рамках реализации государственной национальной политики стала Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, которая была утверждена в 1996 г., а в 2012 г. Указом Президента Российской Федерации была заменена на «Стратегию государственной национальной политики на период до 2025 года», в которой закреплены цели, принципы, задачи и основные направления государственной национальной политики Российской Федерации.

На реализацию задач государственной национальной политики активно влияет процесс цифровизации, являющийся одним из мегатрендов развития общества [Коньков 2020, с. 47]. Под процессом цифровизации зачастую понимается внедрение новейших цифровых технологий в какую-либо из сфер жизни человека. Уже в конце XX в. исследователи стали отмечать, что происходит формирование «кибернетического ландшафта», границы которого постоянно расширяются².

Особую роль цифровизация играет в рамках обеспечения всепроницаемости культурных и религиозных практик, так как «формируется коммуникационная среда, позволяющая реализовать не только двусторонний, но и многосторонний информационный обмен в интернет-пространстве» [Грачев 2013, с. 280]. Кроме того, различные интернет-ресурсы оказывают значительное влияние на процесс социализации индивида, что неизбежно влияет на формирование этнической и гражданской идентичности [Дробужева 2020, с. 484]. Процесс цифровизации активно воздействует и на коммуникацию между индивидом и государством, так как происходит внедрение новых форм воздействия на принятие политических решений.

Указанная ранее всепроницаемость культурных и религиозных практик в интернет-пространстве позволяет исследователям поднять вопрос о наличии некоего «сетевого фронта», который представляет собой подвижную границу взаимного воздействия различных социальных и культурных практик в рамках интернет-пространства [Мирошниченко 2016, с. 37]. Особое внимание исследователи обращают на тот факт, что обозначенная граница виртуального пространства доступна для всех пользователей на равных правах без ограничений [Плотичкина 2017, с. 54].

² Turner F. Cyberspace as the New Frontier?: Mapping the Shifting Boundaries of the Network Society, 1999. URL: <https://fredturner2022.sites.stanford.edu/sites/g/files/sbiyb27111/files/media/file/turner-cyberspace-as-the-new-frontier.pdf> (дата обращения 03.11.2023).

Безусловно, взаимопроницаемость социальных, культурных и религиозных практик нередко способна привести к появлению конфликтов, возникающих из-за столкновения с новыми системами мышления. Современные цифровые технологии позволяют передавать и получать информацию практически моментально, что может способствовать формированию этнополитических конфликтов или вести к их значительной эскалации. Следует отметить, что в Стратегию государственной национальной политики в 2018 г. были внесены изменения³, разработанные Федеральным агентством по делам национальностей, в которых в том числе закреплялась необходимость поддержки интернет-ресурсов, пропагандирующих достижения народов в сфере обеспечения межнационального и межрелигиозного мира и согласия. Указанный факт говорит о понимании со стороны государства необходимости ведения работы по реализации задач государственной национальной политики в интернет-пространстве.

Необходимо упомянуть, что, по данным Mediascope, в 2021–2022 гг. в среднем 97,5 млн человек в Российской Федерации старше 12 лет обладают доступом в Интернет и регулярно им пользуются⁴. Среди граждан до 44 лет более 90% регулярно посещают различные интернет-ресурсы, а доля пользователей различных интернет-ресурсов среди граждан между 12 и 24 годами стремится к 100%. Указанные статистические данные только укрепляют мнение о необходимости использования интернет-пространства для достижения целей государственной национальной политики.

В настоящее время существуют отечественные исследования, демонстрирующие, что проблематика, касающаяся государственной национальной политики, наиболее часто освещается в различных федеральных и региональных интернет-СМИ, второе место занимает региональная пресса. Именно интернет-СМИ становятся основной площадкой для транслирования информации о мероприятиях, которые проходят в рамках государственной национальной политики [Гладкова 2020, с. 295].

Федеральное агентство по делам национальностей (далее – ФАДН) – один из органов исполнительной власти, основной задачей которого является реализация государственной национальной политики. Сайт агентства содержит блок с новостями агентства и

³ Указ Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» // Сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/73271> (дата обращения 27.02.2024).

⁴ Mediascope: Интернетом в России пользуются 80% населения старше 12 лет // Исследовательская группа Mediascope – официальный сайт. URL: <https://mediascope.net/news/1460058> (дата обращения 27.12.2023).

регионов, включающий информацию о мероприятиях, которые направлены на укрепление взаимоотношений различных этнических и религиозных групп. Следует отметить, что в период наблюдения за ресурсом (с 01.10.2023 г. по 28.12.2023 г.) администраторами ресурса дважды скрывался блок новостей между 24.05.2022 г. и 02.11.2023 г., что создавало значительный временной разрыв в освещении деятельности агентства.

Некоторые разделы ресурса не дополняются информацией (раздел «СМИ о нас»), а в некоторых – недоступны элементы интерфейса (документы в разделе «Фирменный стиль»). Отдельное внимание стоит обратить на раздел «Календарь событий», в котором должны быть размещены планируемые к проведению мероприятия. В настоящее время в «Календаре событий» указаны только два мероприятия за 2023 г., однако если сверить количество мероприятий с разделом «Новости», то становится очевидно, что раздел «Календарь событий» не обновляется административной ресурса. Можно отметить, что пользователи не могут оставить обратную связь под конкретной новостной публикацией или событием в календаре, что делает ресурс пригодным исключительно к ознакомлению без возможности повлиять на какие-либо решения. Указанный факт в совокупности с отсутствием регулярного обновления разделов ресурса не обеспечивают прирост заинтересованности государственной национальной политикой среди граждан.

Это подтверждают и данные аналитического ресурса Similarweb. В среднем сайт Федерального агентства по делам национальностей посещают 30 тыс. человек в месяц, однако они проводят на нем не более трех минут⁵. Отметим, что за последние три месяца (октябрь, ноябрь, декабрь) количество посещений ресурса практически не изменялось. Отдельное внимание обратим на то, что 77% посетителей просматривают на сайте не более одной страницы, что говорит о характере визитов на сайт: посетители заходят на сайт случайно, либо им заранее известна необходимая страница.

Комитет Государственной думы по делам национальностей – орган законодательной власти, который, как и ФАДН, образован для реализации государственной национальной политики. До 2022 г. включительно деятельность комитета освещалась на страницах интернет-ресурса по адресу <http://komitet2-4.km.duma.gov.ru>, однако в настоящее время информация о комитете размещается на ресурсе по адресу <http://komitet-dn.duma.gov.ru>. Указанный факт был обозначен в связи с тем, что это событие не отражено на страницах ресурсов.

⁵ Анализ доли рынка, выручки и трафика fadn.gov.ru // Веб-аналитик “Similarweb”. URL: <https://www.similarweb.com/ru/website/fadn.gov.ru/#demographics> (дата обращения 04.01.2024).

Это становится особенно значимым из-за того, что старая версия ресурса отображается одной из первых в списке ссылок при поиске, что может ввести в заблуждение заинтересованных граждан.

Новый сайт комитета обладает такими же недостатками, как и сайт ФАДН. Существуют разделы, которые не функционируют (раздел «Документы»), а также разделы, которые не наполняются информацией (раздел «Опросы»). Подобная модерация ресурсов создает ощущение некоторого запустения на страницах ресурса.

Следует отметить, что различные инструменты по мониторингу и аналитике интернет-ресурсов неспособны определить уровень посещаемости сайта Комитета Государственной думы по делам национальностей, что говорит о крайне низком уровне заинтересованности в его деятельности среди граждан. Кроме того, невозможно оценить уровень вовлеченности граждан в работу комитета, так как элементы интерфейса, отвечающие за перенаправление на страницы социальных сетей комитета, не функционируют. Найти страницы комитета в социальных сетях при помощи ручного поиска не удалось.

Совет при Президенте Российской Федерации по международным отношениям – совещательный и консультативный орган при Президенте Российской Федерации, образованный для обеспечения взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов местного самоуправления при рассмотрении вопросов, связанных с реализацией государственной национальной политики.

На сайте Совета обнаружен один пустой раздел «Регионы», однако все остальные разделы регулярно обновляются⁶. Наиболее активно заполняются разделы «Мероприятия» и «Новости», кроме того, в указанных разделах добавлен счетчик просмотров, что позволяет определить наиболее популярные инфоповоды.

Сайт Совета при Президенте Российской Федерации по международным отношениям – единственный ресурс из рассматриваемых, который демонстрирует рост количества посещений, а также увеличение количества проведенного времени на ресурсе. За три месяца (октябрь, ноябрь, декабрь 2023 г.) количество посещений увеличилось на 30% и в декабре составило более 15 тыс. человек. Недостаточно высокими остаются показатели времени удержания и количества просмотренных страниц. При посещении ресурса 83% посетителей просмотрели только одну страницу, при этом в среднем

⁶ Информационный раздел «Регионы» // Сайт Комиссии по вопросам информационного сопровождения государственной национальной политики Совета при Президенте РФ по международным отношениям. URL: <https://sovetnational.ru/information-materials/regiony/> (дата обращения 27.02.2024).

посетитель проводит на сайте 1 минуту 44 секунды, что все еще говорит о крайне низком уровне заинтересованности ресурсом⁷.

При подведении итогов можно обратить внимание, что проанализированные ресурсы направлены на информирование граждан о проделанной работе и не содержат интерактивных элементов. Администрация сайтов уделяет пристальное внимание разделам «Новости» и «Мероприятия», однако остальные разделы зачастую приходят в запустение или не функционируют вовсе.

Особенность реализации государственной национальной политики при помощи государственных интернет-ресурсов заключается исключительно в информировании о результатах своей работы, что не способствует вовлечению граждан в проблематику гармонизации межэтнических и межрелигиозных отношений.

Главным маркером низкой вовлеченности граждан в деятельность ФАДН, Комитета Государственной думы по делам национальностей, Совета при Президенте Российской Федерации по международным отношениям является количество посещений указанных ресурсов. ФАДН более успешно ведет свою деятельность в социальных сетях и мессенджерах, которые позволяют пользователям оставлять реакции и комментировать публикации.

Достижение целей Стратегии государственной национальной политики до 2025 г. при помощи государственных интернет-ресурсов в настоящее время крайне затруднительно. Малое количество граждан реально посещают указанные ресурсы и изучают их деятельность. Из 97,5 млн человек, которые регулярно пользуются Интернетом только 0,03% хотя бы раз в месяц посетили сайт ФАДН, 0,015% хотя бы раз в месяц посетили сайт Совета при Президенте Российской Федерации по международным отношениям и только около 0,001% граждан посетили сайт Комитета Государственной думы по делам национальностей.

Освещение деятельности государственных органов в интернет-пространстве – необходимая деятельность, которая практически не получает внимания со стороны граждан. Следует отметить, что, кроме информирования граждан, необходимо предпринять дополнительные шаги для вовлечения населения, так как в настоящее время работа ведется практически впустую.

Ранее мы упоминали, что благодаря процессу цифровизации формируется новая коммуникационная среда, однако, опираясь на вышеизложенные факты, мы не можем утверждать, что подобная среда сформировалась в рамках государственных интернет-ресурсов, принадлежащих органам власти, образованным для реализации государственной национальной политики.

⁷ Анализ доли рынка, выручки и трафика [sovetnational.ru](https://www.similarweb.com/ru/website/sovetnational.ru/#overview) // Веб-аналитик “Similarweb”. URL: <https://www.similarweb.com/ru/website/sovetnational.ru/#overview> (дата обращения 04.01.2024).

Литература

- Гладкова 2020 – *Гладкова А.А.* Особенности освещения Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации в федеральных и региональных СМИ России // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 64. С. 290–312.
- Грачев 2013 – *Грачев М.Н.* Онлайн-делиберация: разработки, исследования и практика // Политическая наука. 2013. № 1. С. 280–292.
- Дробижева 2020 – *Дробижева Л.М.* Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 480–498.
- Коньков 2020 – *Коньков А.Е.* Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 47–68.
- Мирошниченко 2016 – *Мирошниченко И.В.* Трансформация политических институтов в пространстве сетевого фронта // PolitBook. 2016. № 3. С. 36–49.
- Плотичкина 2017 – *Плотичкина Н.В.* Сетевой фронт как метафора и миф // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». 2017. Т. 17. № 1. С. 51–62.

П.С. Котова

Тенденции развития государственного контроля и регулирования сетевой активности в Рунете

Статья посвящена анализу методов и способов, принимаемых государством для контроля и регулирования сетевой активности пользователей российского сегмента Интернета. По мере распространения Всемирной сети в России возрастал и ее потенциал как принципиально нового средства коммуникации, в том числе политической. Законодательство в отношении Рунета начинает действовать по схеме ограничения доступа информации, имеющей негативное содержание. Если на первых этапах эти ограничения касались вопросов этики, морали, они распространились на деятельность конкретных индивидов, информационных порталов, сайтов и т. д. Это было связано с усложнением политической ситуации в мире и угрозами национальной безопасности России. Особое внимание в статье уделено законам, а также технологиям, которые должны были обеспечивать их эффективность и исполнение. Поскольку Интернет как инструмент коммуникации усложняется и развивается, необходимы новые приемы и способы своевременного реагирования на возникающие вызовы, а также на их предупреждение.

Ключевые слова: Интернет, Рунет, интернет-ресурс, сетевая коммуникация, законодательство, ограничение доступа

История Интернета в нашей стране ведет свой отсчет с 1990 г., со времени основания при технической и финансовой помощи американских специалистов организации «Гласнет» и начала работы компьютерной сети «Релком». Известно, что 28 августа 1990 г. было впервые установлено соединение «Релкома» с зарубежными сетями и «проведен первый сеанс телекоммуникационной связи с Финляндией по международному телефону»¹, а спустя три недели, 19 сентября, произошло знаковое событие, которое считается официальным признанием отечественного Интернета на международном уровне:

© Котова П.С., 2024

¹ Горный Е. Летопись русского Интернета: 1990–1999 // Лаборатория сетевой литературы «Сетевая словесность». URL: <https://www.netslova.ru/gornyy/rulelet/1990.html> (дата обращения 19.01.2024).

домен верхнего уровня «.su», предназначенный для Советского Союза, был зарегистрирован в базе данных Сетевого информационного центра InterNIC [Грачев 2011, с. 115]. Данный домен продолжал использоваться в России и после распада СССР, вплоть до официальной регистрации нового домена верхнего уровня «.ru», которая была осуществлена 7 апреля 1994 г.²

С середины 1990-х гг. начинается медленное, но верное проникновение и внедрение Интернета во все сферы жизни общества. Компании и организации начинают создавать свои сайты, СМИ и информационные агентства также начинают публиковать свои сообщения в Сети. Пользователи, знакомясь с новыми возможностями и услугами, которые открывает Интернет, также используют его в своих целях: создают блоги, форумы и другие ресурсы, где представлена самая разная информация. С каждым новым сайтом и блогом Рунет завоевывал все большее признание, и его дневная аудитория росла все быстрее и быстрее. При этом свободное движение информационных потоков, способных распространять сведения любого содержания в условиях отсутствия какого-либо контроля со стороны государства, стало проблемой, неизбежно попавшей в поле зрения спецслужб.

Еще в советское время, в 1980-е гг., была внедрена система оперативно-розыскных мероприятий (СОРМ), которая обеспечивала контроль за каналами связи и позволяла прослушивать телефонные разговоры. К середине 1990-х гг. российские специалисты решают обновить устаревшее оборудование и попытаться использовать СОРМ в новых реалиях. В результате в 1996 г. начинает работать СОРМ-1³, и практически сразу возникают проблемы политико-правового характера. Во-первых, принятая в декабре 1993 г. Конституция Российской Федерации декларировала свободу слова и тайну переписки, и было непонятно, как сочетать между собой исполнение конституционных принципов и защиту государственных интересов. Во-вторых, правовой статус Интернета не был определен:

Рассматривать весь Интернет в качестве единого средства массовой коммуникации в силу децентрализованной природы Всемирной сети представляется не вполне корректным. В данном отношении Интернет скорее подобен радиоэфиру и является коммуникационной средой [Грачев 2011, с. 120].

² Delegation Record for .RU // Internet Assigned Numbers Authority (IANA). URL: <http://www.iana.org/domains/root/db/ru.html> (дата обращения 19.01.2024).

³ Приказ Министерства связи РФ № 9 от 31.01.1996 «Об организации работ по обеспечению оперативно-розыскных мероприятий на сетях подвижной связи» // Контур.Норматив: справочно-правовая система. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=50686> (дата обращения 19.01.2024).

Но поскольку коммуникационная среда не может принадлежать одному человеку или организации, было решено, что «владельцем» Интернета в России станет само государство. Рунет был признан общим ресурсом, а поэтому государство должно его регулировать и контролировать.

По мере стремительного развития новых технологий связи у спецслужб появляется понимание, что информационно-коммуникационные потоки все более и более ускользают от контроля. Обновленное оборудование тоже не функционировало в должной мере и нередко давало сбои, вследствие чего общая эффективность и работоспособность СОПМ-1 стала вызывать серьезные сомнения. Начинается обсуждение и разработка проекта новой системы контроля, представляющей собой

...набор технических средств и организационных мер для эффективного обхода сотрудниками ФСБ требований Конституции и действующего законодательства в части обязательности судебного решения для ограничения тайны переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений применительно к компьютерным сетям, в частности Интернету⁴.

С течением времени становится ясно, что интернет-коммуникации оказываются существенно больше, чем телефонных разговоров. При этом Интернет выступает в качестве принципиально новой коммуникационной среды, которая в силу своей децентрализации очень сложно поддается контролю: для его осуществления требуются принципиально новые подходы и методы, разработка которых выходила бы за рамки одних только фундаментальных знаний в области информатики. Из-за того что Рунет продолжал развиваться быстрыми темпами, меняя протоколы и технологии функционирования, спецслужбы не были готовы к стремительному разрастанию Сети и не успевали своевременно реагировать на все происходящие изменения.

Постепенно, шаг за шагом, в течение 2000-х гг. внедряется новая система контроля – СОПМ-2⁵. Оборудование, на базе которого она функционировала, протоколировало выход в Интернет любого

⁴ Аналбаева А. За цифровой суверенитет // Взгляд: деловая газета. URL: <https://vz.ru/politics/2013/6/19/637815.html> (дата обращения 10.01.2024).

⁵ Приказ Государственного комитета Российской Федерации по связи и информатизации № 90 от 25.05.1998 «О координирующих операторах сетей стандарта GSM-900» // Контур.Норматив: справочно-правовая система. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=48379> (дата обращения 19.01.2024).

пользователя, а также могло фиксировать метаданные: какой сайт посещал конкретный пользователь, сколько трафика было получено или отправлено.

К концу 2000-х гг. становится ясно, что количество регулярных пользователей Рунета приближается к количеству регулярных зрителей государственного телевидения. Политики и служащие органов власти также начинают участвовать в процессе освоения Интернета и пытаются приблизиться к пониманию того, что он из себя представляет и чего от него стоит ждать. В результате, с одной стороны, начинается цифровизация России и переход функций основных государственных структур в интернет-пространство, а с другой – появляются законопроекты, которые призваны регулировать контент, размещенный и потребляемый в Рунете.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 03.12.2008 г. № 1715 «О некоторых вопросах государственного управления в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» был образован Роскомнадзор – Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций⁶. Его целью и зоной ответственности становятся регулирование и контроль за использованием информационных технологий и массовых коммуникаций в России. Роскомнадзор занимается блокировкой запрещенных сайтов, контролирует соответствие законодательства в области связи и информационных технологий, а также осуществляет надзор за работой провайдеров и операторов связи.

В 2010 г. принимается Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»⁷. При обсуждении законопроекта предполагалось, что новый правовой акт будет направлен против распространения в Сети сведений о наркотиках, самоубийствах, насилии и проституции, но впоследствии было решено его ужесточить. В июле 2012 г. правительство одобрило создание единого списка доменов и сайтов, содержащих контент, который представляет опасность для детей. Роскомнадзору было поручено составить этот список, а операторам связи – отслеживать изменения в нем и блокировать доступ к опасным сайтам.

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 03.12.2008 № 1715 (ред. от 21.05.2012) «О некоторых вопросах государственного управления в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82325/ (дата обращения 10.01.2024).

⁷ Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ (дата обращения 10.01.2024).

Именно таким образом, сами того не подозревая, власти заложили механизм формирования реестров запрещенных сайтов, а Роскомнадзор стал основным органом, регулирующим Рунет и ограничивающим доступ к опасным или потенциально опасным ресурсам. Круг запретных тем также был расширен: в него теперь включалась «информация о суицидах, наркотических и психотропных веществах, о пострадавших от преступлений несовершеннолетних и детская порнография»⁸. К существенным нововведениям можно отнести и то, что по решению суда в список мог попасть вообще любой сайт – достаточно было содержать информацию с любым противоправным действием, даже если оно не относится к основному списку. Поэтому постепенно список из «детского» превращался во всеобщий.

В декабре 2013 г. были внесены соответствующие изменения в Федеральный закон от 27.06.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁹. После вступления их в силу с 1 февраля 2014 г. практически сразу были заблокированы «три ресурса – Грани.ру¹⁰, Каспаров.ру¹¹, “Ежедневный журнал”¹¹, а также блоги Алексея Навального¹¹ в “Живом Журнале”¹¹ и на сайте “Эхо Москвы”»^{11, 12}.

Однако реализация принятых законов столкнулась с определенными трудностями, обусловленными главным образом технической стороной функционирования Интернета в целом. Из-за этого владельцы многих сетевых ресурсов успешно находили способы обходить СОРМ-2, что вызывало очевидное беспокойство со стороны правоохранителей. Специалисты начинают работу над созданием технической базы для новой, более совершенной версии СОРМ. На этот раз основная задача состояла в том, чтобы абонента можно было идентифицировать, а все его действия в Сети, начиная от спо-

⁸ Полная история регулирования Интернета в России: От 80-х и до наших дней // Лаборатория свободного Интернета – iFreedomLab. URL: <https://ifreedomlab.net/campaigns/istoriya-regulirovaniya-svyazi/> (дата обращения 19.01.2024).

⁹ Федеральный закон № 398-ФЗ от 28.12.2013 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156518/ (дата обращения 19.01.2024).

¹⁰ Внесены Роскомнадзором в реестр запрещенной информации.

¹¹ Внесен Росфинмониторингом в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к терроризму и экстремистской деятельности.

¹² Ли И. Итоги Рунета – 2014: Российский сегмент Интернета в минувшем году // Российское интернет-издание “Lenta.ru”. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/01/03/runet2014/> (дата обращения 19.01.2024).

сборов входа и заканчивая содержанием его сообщений, можно было зафиксировать и расшифровать.

В результате в 2014 г. начинается разработка нового комплекса – СОРМ-3¹³. По своей сути, эта система включает в себя огромное информационное хранилище, в котором содержатся персональные данные каждого пользователя, сведения о совершенных им платежах, оказанных услугах, изменениях местоположения, а также о всех видах сетевых соединений, включая перечень устройств, посредством которых он выходил в Сеть, к каким ресурсам обращался, с кем именно связывался и т. д. Впоследствии добавилось

...требование хранить содержимое соединений. Изначально требовалось хранить все эти записи сутки, но позже правила ужесточились: содержимое всех коммуникаций пользователя надо сохранять 6 месяцев, а информацию об интернет-трафике – 3 года¹⁴.

Такие инициативы должны были быть закреплены законодательно, поэтому в июле 2016 г. принимается так называемый пакет Яровой¹⁵, представляющий из себя

...набор поправок к различным законам, который в рамках борьбы с терроризмом расширяет полномочия правоохранительных органов и вводит новые требования к операторам связи и... <...> ...к интернет-проектам¹⁶.

Все это было сделано для того, чтобы обеспечить правовые основания для функционирования СОРМ-3. Но главное – отныне кон-

¹³ Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций РФ № 83 от 16 апреля 2014 г. «Об утверждении Правил применения оборудования систем коммутации, включая программное обеспечение, обеспечивающего выполнение установленных действий при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Часть III. Правила применения оборудования коммутации и маршрутизации пакетов информации сетей передачи данных, включая программное обеспечение, обеспечивающего выполнение установленных действий при проведении оперативно-розыскных мероприятий» // Справочно-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70674356/> (дата обращения 19.01.2024).

¹⁴ Полная история регулирования Интернета в России...

¹⁵ Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201078/ (дата обращения 19.01.2024).

¹⁶ Полная история регулирования Интернета в России...

троль направлен на деятельность не операторов связи, а конкретно на интернет-ресурсы.

Однако, несмотря на предпринятые меры, данные нововведения полностью сработать не смогли и в процессе своего внедрения потребовали массу смежных законодательных и процедурных доработок. Из-за этого проделанная работа не принесла ожидаемых результатов. С технической точки зрения, база Интернета организована так, что она и децентрализована, и едина одновременно. Направленная на рассредоточение данных и невозможность ограничить и вырвать какой-либо участок из общей Паутины, Всемирная сеть не может полностью удовлетворять запросы государств и конкретных людей. И тогда появляется новая перспектива – создание суверенного Интернета, который бы обеспечил полный контроль над информационными потоками внутри государства. При таком раскладе решалась бы задача о возможности оградить российский сегмент Интернета от мирового.

В 2019 г. был принят закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”», нередко называемый «законом о суверенном Интернете», который предусматривает создание независимой национальной системы управления трафиком в Сети¹⁷. Кроме того, в последние годы Россия столкнулась с рядом кибератак и попыток вмешательства в ее внутренние дела через Интернет. В этой связи правительство начало активно работать над созданием инфраструктуры для «суверенного Интернета», который должен обеспечить защиту от киберугроз и внешних воздействий.

Осуществлять маршрутизацию интернет-трафика планируется с помощью технических средств противодействия угрозам (ТСПУ), которые будут устанавливаться в точки разрыва в линиях связи и перенаправлять трафик на другой сервер. Там трафик подвергается глубокому анализу и в случае необходимости блокируется. Также закон предусматривает создание инструментов централизованного управления, суть которых состоит в том, что в случае кибератак или блокировки Рунета у ключевых государственных структур был резервный сервер с информацией, который должен будет заработать. На данный момент закон все еще разрабатывается, потому что, помимо необходимости улучшения технологий и оборудования для осуществления всех задач, это требует огромных финансовых вложений и доработки смежных законов.

¹⁷ Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323815/ (дата обращения 10.04.2023).

Подводя итог, можно отметить, что развитие Интернета породило не только новые возможности, но и новые вызовы и угрозы. Современный мир устроен так, что люди будут потреблять ту информацию, которая оказывается для них доступной. И в этом плане практически с первых лет существования Рунета государство поставило перед собой цель взять его под контроль, чтобы отслеживать и пресекать возможные информационные угрозы общественной безопасности. Проводимая в последние полтора десятилетия активная работа в законодательной сфере способствует решению этой непростой задачи, с которой столкнулось общество в результате вступления в цифровую эпоху.

Литература

Грачев 2011 – *Грачев М.Н.* Политика: коммуникационное измерение. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2011. 171 с.

Государственная политика

УДК 620.9(470)
ББК 65.285(2Рос)

А.А. Еремина

Энергетическая политика России в условиях разворачивания антироссийских санкций

В статье анализируется процесс трансформации энергетической политики России, связанный с последовательным расширением санкционного давления на энергетический сектор страны. Россия является одним из крупнейших экспортеров энергоресурсов в мире, обладает огромными запасами нефти и газа и играет значительную роль на мировом энергетическом рынке. Западные страны долгое время были ключевыми партнерами России в данной сфере, большая часть российского экспорта ресурсов приходилась на Европу, так же как и импортные технологии и финансирование для развития российского ТЭК шли с Запада. Начиная с марта 2014 г. США, страны ЕС и их союзники вводят санкции против России с целью противостоять ее действиям на Украине. Санкционное давление, оказываемое на российский энергетический сектор, призвано ослабить российскую экономику, обеспечить некоторый контроль над действиями РФ путем давления на одну из важнейших для России сфер. В связи с этим энергетическая политика РФ претерпевает коренные изменения, связанные с необходимостью предпринимать меры по противодействию антироссийским санкциям, обеспечению энергетической безопасности страны и сохранению экономической стабильности. Трансформация энергетического сектора на сегодняшний день имеет глобальный масштаб. Практически ни одному государству не удается оставаться безразличным к этим изменениям. Для России этот процесс будет иметь стратегические последствия. От того, как энергетический сектор адаптируется сейчас, зависит положение РФ в будущем. Цель данной работы – выявить основные последствия энергетических санкций для политического курса России и охарактеризовать энергетическую политику страны в санкционный период. Особое внимание в работе уделено определению основных направлений санкционного давления и влиянию этого давления на последующую энергетическую политику России.

Ключевые слова: энергетическая политика, энергетика РФ, антироссийские санкции, энергоресурсы, потолок цен

Несмотря на риски роста нефтяных, газовых, угольных и электроэнергетических котировок, которые могут стать угрозой для энергобезопасности европейских стран, геополитические причины все же привели страны к наложению санкций на российский топливно-энергетический комплекс (далее – ТЭК). Стараясь минимизировать ущерб своей национальной и общей глобальной энергетической безопасности, страны Запада и их союзники все же продолжают совершать последовательные действия с целью давления на энергетический сектор Российской Федерации. Для этого постепенно вводятся все более широкие ограничения в поставках, транспортировке, финансировании и других процессах, связанных с сотрудничеством на энергетическом рынке. Происходит максимально возможная переориентация направлений сотрудничества в сфере энергетики.

Введенные санкции классифицируют по нескольким видам, основными из которых являются персональные и секторальные или отраслевые. Персональные санкции касались физических и юридических лиц. Секторальное санкционное давление направлено на стратегически важные отрасли государственной экономики, в число которых, конечно же, входит и энергетика. В целом секторальные санкции имели финансовую направленность. Основной целью было давление на российскую экономику в важнейших сферах, чтобы вынудить ее пойти на уступки. Отдельно выделяют «Крымский санкционный пакет», который включал ограничительные меры в отношении крымских компаний, крымских товаров без украинской лицензии, загранпаспортов, полученных в Крыму, крымских портов и аэропортов, а также ограничивал экспорт, импорт, инвестиции и торговлю. Помимо этого, ограничения накладывались на физических и юридических лиц, помогающих обходить санкции. Также вводились и иные ограничения, связанные с межгосударственным и социокультурным взаимодействием [Пыхов 2022]. Секторальные санкции, введенные в 2014 г., в значительной степени затрагивали именно энергетику Российской Федерации. Путем давления на ТЭК западные страны стремились ограничить возможности России, ослабив ее экономику. К основным санкциям в этой сфере, введенным в 2014 г., относятся:

- запрет на поставки в Россию товаров, услуг, а также технологий для добычи нефти в Арктике;
- запрет на поставки в Россию товаров, услуг, а также технологий для добычи нефти на глубоководном шельфе и в сланцевых пластах;
- ограничение финансирования нефтегазовых компаний¹.

¹ Григорьев Л., Гимади В., Курдин А. и др. Секторальные санкции: год спустя // Энергетический бюллетень. 2015. № 27. 31 с.

Помимо атаки на импортозависимые направления российской энергетики, стоит также отметить финансовое давление. Прекращение инвестиций и возможностей для финансового сотрудничества с зарубежными компаниями было использовано для ограничения энергетического сектора России. В связи с этим снизились перспективы внутреннего развития российского ТЭК, т. к. были ограничены возможности инновационной деятельности и финансирования новых проектов, что ставило под угрозу деятельность российских энергетических компаний [Халов, Юдин 2020]. Кроме того, западные страны начали заморозку многих проектов в нефтяной и газовой сфере, а также отказались от заключения новых проектов [Скоробогатова, Исмагилова 2016].

События 2022 г. вызвали новый виток санкционного давления. Причиной послужило признание Россией независимости Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики и начало специальной военной операции (далее – СВО). За год проведения СВО Евросоюзом было введено 10 санкционных пакетов в отношении РФ, кроме того, ограничения вводили США, Великобритания, Швейцария, Канада, Япония, Австралия, Южная Корея, Новая Зеландия, Албания и др.

Так, по данным Евростата, к концу 2022 г. США смогли занять первое место по поставкам нефти в Европе, нарастив свою долю в них с 6% до 18%. Тем временем доля экспорта РФ в ЕС сократилась за год с 31% до 4%. Значительно повысилась доля экспорта в ЕС у Норвегии, Великобритании и Ливии².

Падение российской доли напрямую связано с введением «потолка цен» на российскую нефть и нефтепродукты. В декабре 2022 – январе 2023 г. страны G7 (США, Канада, Франция, Германия, Италия, Япония и Великобритания), Австралия и Евросоюз согласовали введение ограничения цен на российскую нефть и нефтепродукты, поставляемые морским путем³. Ограничение цены на сырую нефть из России было введено 5 декабря 2022 г., в результате чего и были получены такие низкие показатели доли России в экспорте в ЕС к концу 2022 г. Ограничение цены на нефтепродукты начало действовать с 5 февраля 2023 г.

В числе первых решений по ограничению энергетического сектора Российской Федерации были ограничения на экспорт высокотех-

² Евростат сообщил о первенстве США в поставках нефти в ЕС и доле России в 4% экспорта // Финансово-экономический журнал “Forbes.ru”. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/486823-evrostat-soobsil-o-pervenstve-ssa-v-postavkah-nefti-v-es-i-dole-rossii-v-4-eksporta> (дата обращения 30.01.2024).

³ Путеводитель по санкциям и ограничениям против Российской Федерации (после 22 февраля 2022 г.) // Справочно-правовая система «Гарант.ру». URL: <https://base.garant.ru/57750632/> (дата обращения 30.01.2024).

нологичной продукции и технологий, которые могут быть использованы в нефтепереработке или нефтедобыче. Кроме того, с марта 2022 г. страны, не поддерживающие политику Российской Федерации в отношении Украины, вводили ограничения или запреты на импорт различных российских энергоресурсов, включая нефть, газ, уголь и т. д. Также вводились запреты на оказание сопутствующих услуг для обеспечения функционирования российской энергетической отрасли, в которые входят страхование и перестрахование, технические услуги, бухгалтерские, управленческие и др. Во избежание угроз энергетической безопасности отдельных стран полный запрет на транзит энергоресурсов через Россию не вводился, но по возможности ограничивался. После введения «потолка цен» на нефть и нефтепродукты транзит через Россию странами «коалиции по ограничению цен» допускался только при условии поставок по цене не выше максимальной. Отдельно накладывались санкции на крупные российские энергетические компании, такие как «Роснефть», «Газпромнефть», «Транснефть», «НОВАТЭК» и т. д.⁴

Таким образом, можно выделить основные направления санкционного давления на энергетический сектор Российской Федерации:

- ограничение экспорта в Россию высокотехнологичной продукции, обеспечивающей нефтедобычу и нефтепереработку;
- ограничение импорта российских энергоносителей;
- потолок цен;
- запрет на предоставление сопутствующих услуг, обеспечивающих функционирование российской энергетической отрасли;
- ограничение транзита через территорию РФ;
- финансовые и инвестиционные санкции в отношении России;
- санкционное давление на российские энергетические компании.

В этих направлениях требовалось осуществить ответные меры для поддержания энергетической безопасности страны, сохранения уровня доходов (или хотя бы удержания его на необходимом для обеспечения государственной экономической стабильности уровне), развития промышленности и т. д. В целом появилась необходимость предпринять действия для минимизации ущерба от санкционного давления.

В 2014 г. начали разрабатываться различные проекты по расширению отечественного производства инновационных технологий. Однако эксперты давали оценку уровню зависимости российского энергетического сектора в сфере шельфовой разработки и нефтеотдачи пластов до 90–95%. На импортозамещение в этой сфере нужно не только огромное количество финансовых вложений, но и время.

⁴ Путеводитель по санкциям и ограничениям против Российской Федерации (после 22 февраля 2022 г.) // Справочно-правовая система «Гарант.ру». URL: <https://base.garant.ru/57750632> (дата обращения 30.01.2024).

В ближайшем будущем полностью заменить импорт в данной сфере собственным производством невозможно, только частично. Так что необходимо искать новых партнеров для разработки труднодоступных запасов. Вопрос поиска новых партнеров также встал на повестке дня. Здесь основой был курс «поворота на Восток», направленный на укрепление сотрудничества с Китаем в частности и со странами Азии в целом. Помимо необходимости получить помощь в сфере шельфовой разработки, России было необходимо найти замену бывшим западным инвесторам в другие сферы энергетического сектора государства. Еще до 2014 г. экономическое сотрудничество России и стран Восточной Азии стремительно развивалось, теперь же было принято решение сделать упор на дальнейшем укреплении и расширении этих связей взамен разрушающимся и ограничивающимся связям со странами Запада. Активное развитие стран Азиатско-Тихоокеанского региона сделало их наиболее привлекательными направлениями переориентации российского экспорта [Черницына 2015]. Энергетические санкции западных стран в 2014 г. практически не повлияли на положение России. Добыча нефти на 0,5% превысила показатели 2013 г. и продолжала повышаться после этого. Можно отметить снижение показателей по добыче природного газа в 2014–2015 гг., однако это связано не с санкционным давлением, а с падением спроса на внутреннем и мировом рынке⁵. Кроме того, эти показатели впоследствии снова начали расти. Однако в 2014 г. началась работа по противодействию антироссийским санкциям, которая дала основу для более глубокого санкционного противостояния в 2022 г.

Чтобы восполнить потери, связанные с ограничением «недружественными» странами импорта российских энергоресурсов, экспорт России проходит процесс переориентации на «дружественные» рынки, основными из которых являются Индия и Китай. Согласно заявлению заместителя председателя Правительства Новака, экспорт в Индию за 2022 г. увеличился в 22 раза, а российское сырье составило треть индийского импорта нефти⁶. В стоимостном выражении закупки Китаем российских энергоресурсов увеличивались на 74% по отношению к прошлому году⁷. Кроме того, российские

⁵ Григорьев Л., Гимади В., Курдин А. и др. Секторальные санкции: год спустя // Энергетический бюллетень. 2015. № 27. 31 с.

⁶ Новак заявил о росте поставок российской нефти в Индию в 22 раза // Финансово-экономический журнал “Forbes.ru”. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/486793-novak-zaavil-o-rote-postavok-rossijskoj-nefti-v-indiu-v-22-raza> (дата обращения 30.01.2024).

⁷ Китай в августе потратил на энергоносители из России рекордные \$8,3 млрд // Финансово-экономический журнал “Forbes.ru”. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/477649-kitaj-v-avguste-potratil-na-energonositeli-iz-rossii-rekordnye-8-3-mlrd> (дата обращения 30.01.2024).

энергоресурсы закупаются странами Азии для перепродажи на Запад. По данным Мирового энергетического агентства, Российской Федерации к марту 2023 г. удалось поднять свой нефтяной экспорт на самый высокий уровень с апреля 2020 г. Однако доходы с него оцениваются на 43% ниже, чем в марте прошлого года⁸.

Потолок цен, наложенный на российскую нефть и нефтепродукты странами Запада, получил ответ в виде Указа Президента Российской Федерации, который запрещает поставку российских энергоресурсов по договорам, в которых прямо или косвенно упоминается ограничение предельной цены⁹. Кроме того, есть довольно простые способы обойти этот «потолок», чем и пользуются российские поставщики. На данный момент ограничение цены на энергоресурсы из России – не более чем показательная акция [Голубчик, Пак 2023]. В сентябре 2024 г. Urals в среднем торговалась по 83\$ за барр.

Борьба с финансовыми санкциями также связана с переориентацией на Восток. Потерянные каналы сотрудничества с западными странами активно заменяются. Формирование более тесных связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона может также помочь решить проблему запрета на инвестирование и предоставление услуг российскому энергетическому сектору. Вероятно, новые партнеры в ближайшем будущем не смогут полностью заменить тот вклад, который вносили инвесторы из западных стран, однако это поможет минимизировать ущерб от потери финансирования и поддержки. Кроме того, важную роль играет развитие внутренней инвестиционной активности и более широкое обеспечение внутреннего спроса на энергию для получения большей прибыли.

Санкции, наложенные на российские энергетические компании, оказали влияние на итоговые показатели компаний за год. Так, чистая прибыль Газпрома к концу 2022 г. опустилась на 72,2% в сравнении с предыдущим годом. Чистая прибыль Роснефти – на 8%. Многие компании не стали раскрывать свою финансовую отчетность, что им позволило сделать специальное постановление Правительства. Больше всего за год пострадали компании, у которых нет собственной переработки и которым пришлось ограничить добычу из-за ограничения «недружественными» странами экспорта из России. Многие корпорации снизили для себя болезненность санкционных ограничений, увеличив поставки в страны Азии.

⁸ Oil Market Report – April 2023 – Analysis // International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/reports/oil-market-report-april-2023> (дата обращения 30.01.2024).

⁹ Указ Президента Российской Федерации № 961 от 27 декабря 2022 г. «О применении специальных экономических мер в топливно-энергетической сфере в связи с установлением некоторыми иностранными государствами предельной цены на российские нефть и нефтепродукты» // Российская газета. 2022. 29 декабря. № 296 (8944).

С 2014 г. все еще значительной проблемой российского энергетического сектора остается его зависимость от импорта инновационных технологий, в том числе технологий и оборудования для нефтепереработки, на которые были наложены санкции в 2022 г. Многие эксперты были обеспокоены перспективами нефтеперерабатывающей отрасли, но к концу 2022 г. уровень переработки нефти почти достиг прошлогодних показателей.

Подводя итог, стоит отметить, что санкционное давление действительно имело значительные негативные последствия, такие как снижение доходов России с экспорта сырья, снижение прибыли российских энергетических компаний и др. Однако это не поставило сектор в тупик, и на данный момент предпринимаются активные действия для последующего развития российской энергетики в новых условиях. ТЭК России претерпел значительные изменения за время санкционного периода. К основным направлениям трансформации можно отнести: переориентацию на «дружественные» восточные рынки, снижение поставок западным странам, накладывающим санкции на Россию, диверсификацию энергетического экспорта в целом, активизацию внутренней инновационной и инвестиционной активности, а также развитие сотрудничества по этим направлениям со странами Азии. России удалось, пусть и не без потерь, значительно перестроить свой энергетический сектор и адаптироваться к внешнему давлению в данной сфере.

Литература

- Голубчик, Пак 2023 – Голубчик А.М., Пак Е.В. Российский экспорт нефти и «ценовой потолок»: адаптация возможна // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 1. С. 56–63.
- Пыхов 2022 – Пыхов П.А. Топливо-энергетический комплекс России в условиях санкционных ограничений // Московский экономический журнал. 2022. № 12. С. 147–162.
- Скоробогатова, Исмагилова 2016 – Скоробогатова К.А., Исмагилова Л.А. Антироссийские санкции и их влияние на экономику страны // Экономика, инновации и предпринимательство: Сб. науч. тр. Уфа: РИК УГАТУ, 2016. С. 258–263.
- Халов, Юдин 2020 – Халов О., Юдин Д.А. Влияние санкций на развитие нефтегазового сектора Российской Федерации // Инновации и инвестиции. 2020. № 8. С. 80–83.
- Черницына 2015 – Черницына С.Ю. Роль энергетической дипломатии в формировании внешней политики России на современном этапе. М.: Научное обозрение, 2015. 165 с.

А.А. Кутузова

«Политика памяти» в Евросоюзе: анализ подходов и перспективы трансформации

В статье рассматриваются подходы к «политике памяти» в европейских странах и ставится вопрос – существует ли единый дискурс в вопросах управления историей в разных государствах. Выделяется космополитический, антагонистический и агональный дискурсы, которые последовательно сменяли друг друга в конце XX – начале XXI в. Прежнее согласие было подорвано, когда перед европейским сообществом возник новый вызов расширения и включения в свою культуру непохожей культуры стран Восточной Европы. Эти страны обладают характерными особенностями в контексте использования истории в современной политике и потому не могут со всей полнотой включиться в политическое пространство Европы, раскалывая его в области “memory studies” и выводя на первый план такое явление, как «войны памяти», что в свою очередь приводит к затяжным конфликтам ценностей, в которых используются искаженные факты, фальсификации истории и другие методы для дискредитации своего противника. Даются характеристики, присущие каждому из подходов, рассмотрены важные для исторической политики документы, принятые в ЕС в указанный период. Делается вывод о возможности применения данных дискурсов и существовании единого тренда в Европе.

Ключевые слова: политика памяти, историческая политика, интеграция, европейские ценности, идентификация, войны памяти

Введение

В современном мире история и ее интерпретация играют огромную роль. Политические элиты стараются представить определенные исторические события и факты в выгодном для них свете для достижения абсолютно разных целей: интеграции общества вокруг общей идеи, дискредитации противника политического поля, формирования национальной идентичности и т. д. Именно поэтому историческая память выделяется в отдельное направление государ-

ственной политики и носит название «политики памяти» или «исторической политики».

Исследования в области политики памяти уже проводились многими учеными. Отправной точкой для изучения интерпретации событий и фактов прошлого послужили концепции «преодоления прошлого» Теодора Адорно и «политики прошлого» Нортропа Фрая [Адорно 2005; Фрай 2013]. Майер, П. Нора, А. Ассман в своих работах обращаются к размышлениям о коллективной памяти и мемориальной политике [Maier 1993; Нора и др. 1999; Ассман 2014]. В рамках этих исследований получили широкое распространение работы, посвященные изучению феномена «политика памяти». А.Г. Васильев уделяет внимание развитию парадигмы “memory studies” в целом, В.Н. Сыров и А.И. Миллер в своих работах выделяют некоторые общие черты, характерные для современных дискурсов изучения политики памяти [Васильев 2012; Сыров 2016; Миллер 2019]. Как область символической политики и один из важнейших факторов социальных изменений «политику памяти» рассматривают К.Ф. Завершинский, А.А. Линченко и О.Ю. Малинова [Завершинский 2012; Линченко 2016; Малинова 2019]. В своей монографии В.В. Титов анализирует влияние политики памяти на процесс формирования национально-государственной идентичности, рассматривая ее как многомерное социокультурное и макрополитическое пространство [Титов 2017]. Выделяются труды таких авторов, как В.А. Ачкасов, Д.А. Аникин, – работы посвящены трансформации нарратива памяти на постсоветском пространстве и строительству на этой основе новых постсоциалистических наций [Ачкасов 2013; Аникин 2007]. Отдельного внимания заслуживают исследования Н.А. Медушевского и Г.М. Михалевой, в которых анализируются проблемы стран Восточной Европы в вопросах управления историей, а также отдельные политические механизмы, существующие в Европейском союзе в области исторической политики [Медушевский 2019а; Медушевский, Михалева 2020].

Суть государственной политики памяти заключается в осуществлении контроля властными элитами над конструированием знаний и представлений о прошлом. Подобный контроль в основном осуществляется через организацию массового исторического образования в школе и высших учебных заведениях, организацию музейной и архивной базы, трансляцию художественных произведений, формы мифологизации (символика, мемориалы, государственные праздники), топонимические названия (переименования населенных пунктов, улиц), СМИ и др.

На данный момент в мировом сообществе не существует единой концепции «политики памяти». Если мы говорим о Европе, то попытка формирования подобного единого подхода предпринималась

с созданием Европейского союза. В данном объединении речь шла об унификации во многих сферах жизни общества именно с целью реализации интеграционного процесса. Однако в силу усиления чувства национальной идентичности каждой из стран – членов союза, а также по причине вступления в объединение в начале XXI в. государств Восточной Европы противостояние различных взглядов в области “memory studies” с каждым годом приобретает характер открытого столкновения, что позволяет говорить о «войнах памяти» – отличающиеся культура и ценности, длительный травмирующий опыт тоталитарного воздействия не позволяют легко и быстро интегрироваться в общеевропейские нарративы памяти.

Поводом таких войн зачастую выступает так называемое учредительное событие – главное событие в истории стран, интерпретации которого сильно отличаются у сторон, и найти компромисс в таком случае очень сложно, так как возникает конфликт ценностей. Для Европы такими событиями стали Вторая мировая война и весь травмирующий опыт, который ей сопутствовал (этнические чистки, холокост, репрессии), а также коммунистический период истории некоторых государств и холодная война.

Подходы к формированию «политики памяти» в ЕС

На данный момент, исходя из того, каким образом государства оценивали данные периоды, можно выделить три основных подхода, характерных для европейского политического пространства.

Для времени создания Евросоюза была характерна идея о том, что с поступательным развитием, сотрудничеством и интеграцией межэтнические конфронтации будут преодолены в том числе и с точки зрения политики памяти, а само наличие конфликта говорит о том, что есть шанс на его обсуждение и принятие совместного решения для будущего Европы. Такой подход утвердился к концу XX в. и получил название «космополитический». Он предполагал, что через обращение к прошлому ранее враждовавшие нации преодолеют конфликты и выработают общий взгляд на историю. Европейским государствам во многом это удалось – важное место отводилось воззрениям общества касательно холокоста, который выступал как главное преступление в европейской истории в XX в. Такой подход означал отказ от притязаний некоторых государств играть роль жертвы и говорил о готовности противостоять темным сторонам истории стран, например соучастию представителей народа в холокосте – это согласуется с общим мнением о том, что демократия, которая является главной ценностью ЕС, предполагает спад нацио-

налистических настроений. Очевидно, что наиболее радикальным примером упомянутого дискурса была ФРГ, позже – объединенная Германия, где жестко подавлялись пережитки политики памяти Германской Демократической Республики.

Важный момент, характерный для космополитического подхода к памяти, – наличие международного диалога и даже его преобладание в политическом пространстве, что должно помочь найти противоборствующим сторонам точки соприкосновения по спорным вопросам истории. Как пример такого диалога и общего взаимодействия двух государств – создание общего франко-немецкого учебника истории.

В этом же контексте известен проект П. Нора о «местах памяти» [Нора и др. 1999]. «Места памяти» – символическое проявление памяти народа, такие места соединяют две составляющие: духовное начало и его материальное воплощение, что в конечном итоге призвано объединить людей и сохранить в их сознании это представление о единстве. Если все же возникала конфликтная ситуация, она не перетекала в открытое и ожесточенное противостояние, а воспринималась как шанс на обсуждение проявившейся проблемы, что можно воспринимать в качестве важного шага на пути согласования позиций, решения ранее имеющих несправедливостей и в конце концов формирования единого дискурса в политике памяти.

В основе «космополитического» подхода к памяти лежало убеждение, что прошлое представляет собой «неполитическое» пространство, в котором законы «политической жизни» с ее постоянной конфликтностью преодолеваются. Политики, согласно такому подходу, не должны вмешиваться в эту сферу, и в целом не должно быть принято никаких усилий по законодательному регулированию государственной политики памяти.

В бывших государствах социалистического блока подход к восприятию прошлого был совершенно другим. Страны Восточной Европы на этапе изъявления своего желания присоединиться к ЕС были вынуждены показать, что придерживаются консенсуса, который предполагал космополитический подход как общеевропейской ценности, которой они готовы следовать. Однако фактически общество этих стран продолжает оставаться националистически настроенным – в центре восточноевропейских нарративов оказались страдания собственной нации. В отличие от «старой Европы», для которой центральным в политике памяти был ответ на вопрос об отношении к холокосту, в постсоциалистических странах присутствует двойная самоидентификация, потому что свою роль играет оценка социалистического прошлого, а главной жертвой становится собственная нация.

Конечно, отношение к декоммунизации и денацификации не может быть одинаковым в странах, часть которых была пособниками нацистов во время Второй мировой войны, а часть, наоборот, стала жертвой оккупации и оказывала сопротивление захватчикам. Кроме того, в некоторых государствах местное население участвовало в уничтожении евреев и цыган, что в свою очередь обуславливает неоднозначное отношение к холокосту. Поэтому происходит некоторое преломление в политике памяти: доминирующая нация предпочитает забыть об этнических чистках и сосредоточить внимание на роли своего народа в качестве жертвы. Поэтому было бы странно ожидать от восточноевропейских стран искреннего воспроизведения того образца политики памяти, который превалировал, допустим, в немецком восприятии и делал упор на то, что национализм рано или поздно приведет к нацизму. Схожий процесс заметен и в оценке коммунистического прошлого: страны объявляют себя жертвами принуждения к построению социализма со стороны СССР, а роль национальных элит в поддержании и укреплении режима не вспоминается.

Примерной точкой отсчета для начала развития нового антагонистического дискурса можно считать Стокгольмскую декларацию о коммеморации холокоста, принятую в 2000 г.¹ С этого момента можно говорить о переходе исторической памяти в исключительно политическое пространство, в противовес космополитизму, где политика памяти была предметом изучения историков. Категория памяти полностью включается в политическую сферу, в которой создаются четкие механизмы сохранения или, наоборот, подавления сложившегося восприятия. Признаки разрушения «космополитического» консенсуса наиболее ярко проявились и в 2004 г., когда Европейский союз резко расширился на восток. В объединение вступили одновременно 10 новых членов, при этом восемь из них представляли постсоциалистические страны – ЕС сразу упустил главный механизм влияния на элиты этих государств.

Именно тогда в Польше появляются публикации, заявляющие об исторической политике в новом свете. В рамках такого подхода на первый план как раз выходит антагонизм, то есть противопоставление «нас» и «их». Общий подход к использованию прошлого становится невозможен, как и примирение сторон. Главная цель для политических акторов – утверждение «своей» позиции как истинно правильной и единственной, маргинализация и подавление противника с отличающимися трактовками. Далее эта риторика будет

¹ Stockholm Declaration // International Holocaust Remembrance Alliance. URL: <https://www.holocaustremembrance.com/about-us/stockholm-declaration?usergroup=6> (дата обращения 11.09.2023).

только продолжаться: в 2006 г. принимается Резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы № 148131, в которой звучит призыв к осуждению преступлений, совершенных коммунистическими режимами². В 2009 г. ОБСЕ принимает Резолюцию «О воссоединении разделенной Европы: Поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке»³ Документ осуждает нацизм и коммунизм, а также предлагает объявить 23 августа Днем памяти жертв этих двух режимов.

В данном подходе мы говорим о политике памяти уже в ракурсе поля для непримиримой борьбы, стороны рассматриваются как противники, нет места диалогу и уступкам, мы говорим о противостоянии за исключительное господство своей позиции, которая считается истинно правильной. Такой подход получил название «антагонистический дискурс», для которого нехарактерно искать точки соприкосновения в интерпретации прошлого. Историческая правда тоже маловероятна, так как постоянный поток фейков мешает адекватно воспринимать информацию, стороны используют в политическом поле только те факты, которые выгодны для элит.

Яркие примеры проявления данного дискурса можно наблюдать в отдельных европейских странах. В Румынии в 2015 г. был принят закон «О запрете организаций и символов фашистского, расистского и ксенофобского характера, а также о пропаганде культа лиц, виновных в совершении преступлений против мира и человечества». Закон был принят исключительно как выполнение Румынией условий структур Евросоюза в контексте ускорения процедур интеграции без учета национальных особенностей развития – это была почти точная копия аналогичных общеевропейских документов. Часть граждан и СМИ трактовали это решение как уступку требованиям евреев и не готовы были нести ответственность за преступления прошлого. В Польше суд над прошлым получил статус государственной политики – за отрицание вины коммунизма в совершении преступлений против человечности предусмотрена уголовная ответственность. МИД Болгарии призвал не считать борьбу Советского Союза с нацизмом освобождением Европы. С этого момента культурная память становится категорией политической, что позво-

² Резолюция ПАСЕ № 1481 // Парламентская ассамблея Совета Европы. URL: https://www.coe.int/T/Т/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2006%5D/%5BJan2006%5D/Res1481_rus.asp (дата обращения 11.09.2023).

³ Резолюция ОБСЕ «О воссоединении разделенной Европы: Поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке» // Официальный сайт партии «Яблоко». URL: <https://www.yabloko.ru/news/2009/07/06> (дата обращения 11.09.2023).

ляет говорить об институционализации политики памяти. Для эффективного воздействия на массы через политику памяти властными элитами начинают использоваться новые механизмы – комиссии по подсчету ущерба от оккупаций, «комиссии правды», Институты национальной памяти.

В этом смысле, когда становится очевидным полное разрушение существовавшего согласия в Европе и его замена на конфликт с нулевой суммой, начинают предприниматься попытки создать иной путь, в котором противники смогут пойти по пути диалога. Не обязательно, что стороны придут к взаимному согласию и смогут навсегда примириться по сложным вопросам прошлого, однако данный подход настаивает на взаимном уважении и понимании противоположной точки зрения. Противника следует называть оппонентом. Этот подход можно обозначить как агональный, и так как он не предполагает доминирования одной «правильной» позиции, то его мы противопоставляем антагонизму в политике памяти. В общем виде результаты сравнения трех главных подходов, существующих на пространстве ЕС, можем представить в таблице.

Таблица

Основные характеристики подходов к «политике памяти» в ЕС

Космополитический подход	Антагонистический подход	Агональный подход
Отказ от роли жертвы	Главная жертва – собственная нация	Взаимное уважение и понимание противоположной точки зрения
Холокост – главное преступление в истории	Двойная самоидентификация (+ социалистическое прошлое)	Приравнивание сталинского режима к гитлеровскому
Сотрудничество и интеграция	Непримиримая борьба	Необязательное согласие сторон
Конфликт – шанс на обсуждение	Конфликт – борьба за господство своей позиции	Не предполагает доминирования одной «правильной» позиции
Прошлое – неполитическое пространство	Категория памяти включается в политическую сферу	Прошлое остается в политическом пространстве
	+ формирование образа врага	+ перетекание в затяжные войны памяти

Перспективы трансформации дискурса современной исторической политики

Сейчас в политическом пространстве агональный подход немного трансформируется, что особенно заметно на фоне противоречий России и коллективного Запада. С одной стороны, не стоит задача уничтожить отличающуюся интерпретацию прошлого, с другой – прослеживается конфронтация, находящая отражение в информационных войнах, которые несут с собой искаженные факты, что позволяет говорить о целых войнах памяти.

Одной из главных технологий, используемых сейчас в войнах памяти со стороны восточноевропейских акторов, является приравнивание сталинского режима к гитлеровскому и указание на их равную бесчеловечность в целях дискредитировать Россию и ее советское прошлое, в том числе победу во Второй мировой войне. Транслируется агональный дискурс, который призван создать резко негативный образ Советского Союза и РФ.

Именно поэтому Европейский парламент 19 сентября 2020 г. принял резолюцию «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы»⁴. В документе высказано осуждение Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом и Договора о дружбе и границе между СССР и Германией, которые, согласно резолюции, «поделили Европу и территории независимых государств между двумя тоталитарными режимами, что проложило дорогу к началу Второй мировой войны»⁵. В резолюции заявляется, что нацистский и коммунистический режимы в равной степени виновны в гибели людей и лишении их свободы. В тексте осуждаются массовые нарушения прав человека, среди которых геноцид и депортации, совершенные тоталитарными режимами.

Перед исследователями встает задача – найти новый подход к изучению феномена. Наиболее полная попытка осмыслить все изменения была предпринята авторами третьей волны “memory studies” – рассмотрение «политики памяти» с позиций процесса формирования идентичностей и построения на их основе новых государств или даже надгосударственных образований. Как следствие, в фокусе внимания исследователей сейчас должно оказаться именно взаимодействие акторов и институтов в рамках коммеморативных практик, наличие либо отсутствие конфликта между ними, а не просто факт построения определенного нарратива и его продвижение по-

⁴ Importance of European remembrance for the future of Europe // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения 13.09.2023).

⁵ Ibid.

средством создания мест памяти, выбора праздничных и мемориальных дат и т. д.

В связи с этим отдельные политические силы на уровне Европарламента и за его пределами ведут борьбу за выбор определенной модели формирования исторической памяти. Среди доминирующих концепций, о которых пишут европейские аналитики, особенно выделяются три модели. Первая модель предлагает просто принять разнообразие исторических воспоминаний со всеми проблемами и пойти по пути социального плюрализма. Н.А. Медушевский ставит под сомнение такой подход и отмечает, что исходя из концепции логично возникает вопрос о том, что общего будет у разных сторон и что поможет избежать конфликта на исторической почве [Медушевский 2019b]. Действительно, в таком ключе на первый план выходит вопрос сохранения ценностей, что является важным элементом второго подхода. При этом ключевую роль играют именно общие ценности, единые для всего Евросоюза. Среди них выделяются свобода, демократия, права человека и др. Однако даже на первый взгляд одинаковые ценности имеют разные интерпретации в различных странах и идеологиях, что формирует запрос на третью модель восприятия прошлого – учет истории различных стран и сохранение либерально-демократического идеологического русла.

Таким образом, историческая память призвана выполнить уникальную функцию – упорядочить определенный набор воспоминаний о прошлом, которые будут выполнять функцию построения социальных отношений между разрозненными этнокультурными и этнорелигиозными группами, особенно в контексте быстрой культурной, экономической и политической трансформации. При этом мы понимаем, что добиться космополитической модели не удастся в силу региональных особенностей и восприятий, однако отойти от антагонизма в сторону диалога и возможного компромисса, в котором снижается острота противостояния, вполне возможно.

Литература

- Адорно 2005 – Адорно Т. Что значит «проработка прошлого»? // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 88–95.
- Ассман 2014 – Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- Аникин 2007 – Аникин Д.А. Память и миф в современном политическом дискурсе // Парадигма: Очерки философии и теории культуры. 2007. Вып. 8. С. 73–81.

- Ачкасов 2013 – *Ачкасов В.А.* «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 16 (4). С. 106–123.
- Васильев 2012 – *Васильев А.Г.* Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов (обзор англоязычных книг по истории памяти) // Новое литературное обозрение. 2012. № 117. С. 461–480.
- Завершинский 2012 – *Завершинский К.Ф.* Символические структуры политической памяти // Символическая политика. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 149–163.
- Линченко 2016 – *Линченко А.А.* Политика памяти как фактор социальной трансформации // Studia Humanitatis, 2016. № 4. URL: <http://st-hum.ru/content/linchenko-aa-politika-pamyati-kak-faktor-socialnoy-transformacii> (дата обращения 28.02.2023).
- Малинова 2019 – *Малинова О.Ю.* Политика памяти как область символической политики // МЕТОД; Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2019. № 9. С. 285–312.
- Медушевский 2019a – *Медушевский Н.А.* Вспомнить все? Политика памяти современной Европы. М.: Издательские решения, 2019. 158 с.
- Медушевский 2019b – *Медушевский Н.А.* Политика памяти в Европейском союзе как инструмент реализации интеграционного процесса // Власть. 2019. № 3. С. 167–174.
- Медушевский, Михалева 2020 – *Медушевский Н.А., Михалева Г.М.* Политика памяти в странах Восточной Европы в XXI веке. М.: Издательские решения, 2020. 194 с.
- Миллер 2019 – *Миллер А.И.* Рост значимости институционального фактора в политике памяти — причины и последствия // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (журнал политической философии и социологии политики). 2019. №3. С. 87–102.
- Нора и др. 1999 – *Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М.* Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. 328 с.
- Сыров и др. 2016 – *Сыров В.Н., Головашина О.В., Линченко А.А.* Политика памяти в свете теоретико-методологической рефлексии: опыт зарубежных исследований // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407. С. 135–143.
- Титов 2017 – *Титов В.В.* Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Типография «Ваш формат», 2017. 181 с.
- Фрай 2013 – *Фрай Н.* Анатомия критики. Очерк первый. М.: Директ-Медиа, 2013. 69 с.
- Maier 1993 – *Maier Ch.C.* A Surfeit of Memory? Reflections on History, Melancholy and Denial // History and Memory. 1993. Vol. 5. № 2. P. 136–152.

Политические процессы и технологии

УДК 323(470)

ББК 66.3(2Рос)12

А.А. Субботина

Политическая стабильность как фактор политической выживаемости глав в условиях конкурсной модели избрания (на примере Пермского края и Свердловской области)

Эмпирические исследования политической выживаемости субнациональных лидеров в России демонстрируют, что традиционная дихотомия «экономическая эффективность – электоральная лояльность» неспособна достаточно полно объяснить наблюдаемое явление, что побуждает обратить внимание на иные факторы «выживаемости» губернаторов и мэров, одним из которых выступает политическая стабильность. В фокусе внимания данной работы – локальная политика и «выживаемость» местных глав. Как политическая стабильность влияет на сохранение мэрами постов в условиях конкурсной модели избрания?

Отношения между региональной властью и местным главой рассматриваются в рамках теории принципал-агентских отношений. Предполагается, что губернатор склонен поддерживать мэров, способных сохранять политическую стабильность в муниципалитете – консолидировать локальную элиту и избегать межэлитных конфликтов. В качестве метода эмпирической фиксации политической стабильности предлагается рассмотреть характеристики конкурсного процесса: конфликтность и степень консолидированного голосования депутатов. Всего проанализировано 111 конкурсов, прошедших в Пермском крае и Свердловской области в 2015–2022 гг. Методом логистической регрессии выявлено, что предыдущий конфликтный конкурс снижает шансы мэра быть переизбранным на новом конкурсе. Это наблюдение подтверждает гипотезу о политической стабильности как значимом факторе политической выживаемости местных глав, что свидетельствует о постепенном изменении системы требований, предъявляемых губернатором к мэрам. В работе предложен способ операционализации политической стабильности посредством анализа конкурсного процесса, однако межэлитные отношения вне конкурса остаются за рамками исследования, что актуализирует поиск более точного индикатора политической стабильности в муниципалитете.

Ключевые слова: политическая выживаемость, политическая стабильность, локальная политика, принципал-агентские отношения, мэр, региональная власть, конкурс, конфликтность, конкурентность

Факторы выживаемости субнациональных лидеров на современном этапе развития политического режима в России вызывают дискуссии в исследовательском поле. Как на региональном, так и на местном уровне одни исследователи отмечают значимость электоральной лояльности руководителей и отрицают важность экономической эффективности [Reuter, Robertson 2012, p. 1031; Reisinger, Moraski 2013, p. 31; Rochlitz 2016, p. 440; Beazer, Reuter 2022, pp. 30–31]. Другие авторы, наоборот, указывают, что социально-экономические успехи все-таки имеют значение [Мухаметов 2020, с. 145]. Т. Ткачева и В. Голосов сделали попытку отойти от дихотомии «лояльность vs экономическая эффективность». Их исследования демонстрируют, что в отношении губернаторов фактор электоральной лояльности становится менее актуальным. Указанные авторы отмечают, что на современном этапе центр при принятии решения о поддержке той или иной кандидатуры на пост регионального лидера руководствуется стратегией «неприятия рисков» [Golosov, Tkacheva 2018, p. 8; Tkacheva 2022, pp. 101, 115–116]. Эти работы заставляют обратить внимание на новый фактор выживаемости субнациональных лидеров в России – поддержание политической стабильности как способ избегания рисков.

Применительно к российскому локальному уровню уже проводились исследования, посвященные влиянию электоральной лояльности и экономической эффективности на сохранение мэрами постов [Beazer, Reuter 2022, pp. 30–31]. Однако политическая стабильность как фактор выживаемости глав еще не рассматривалась в эмпирических исследованиях. Кроме того, в рамках этого исследования политическая выживаемость глав рассматривается в условиях введенной в 2015 г. конкурсной модели избрания, что тоже еще систематически не исследовалось. Как политическая стабильность влияет на политическую выживаемость местных глав, то есть сохранение ими постов, в условиях конкурсной модели избрания? Этому вопросу посвящено исследование.

Теоретическая рамка и гипотезы

Методологической основой работы выступает теория принципал-агентских отношений [Туровский 2013, с. 160–161; Горохов 2011, с. 161]. В рамках этой модели губернатор рассматривается как принципал, а мэр – как агент, которому губернатор делегирует выполнение определенных обязанностей как более информированному и погруженному в локальные процессы субъекту. Между ними заключается неформальный договор о делегировании обязанностей и вознаграждении за их качественное исполнение [Горохов 2011, с. 161]. Однако губернатор-принципал рискует столкнуться с оппортуниз-

мом мэра-агента – его намеренными действиями, направленными «на достижение личного интереса в ущерб другим участникам имплицитного соглашения» [Попов, Симонова 2005, с. 120]. Для исключения этой проблемы региональная власть заинтересована в преданном мэре, который будет наиболее полно разделять ее интересы, а значит, более эффективно реализовывать региональные цели и выполнять требования, предъявляемые к нему со стороны региона. Конкурсная модель позволяет губернатору подбирать лояльного главу через непосредственное включение региональной власти в конкурсный процесс.

Избрание по конкурсу реализуется в две стадии. Сначала конкурсная комиссия, наполовину назначаемая регионом, наполовину формируемая органами местного самоуправления, проводит отбор кандидатов. Затем представительный орган муниципалитета из представленных кандидатур выбирает главу¹. Можно заметить, что конкурсная модель увеличивает формальные возможности губернатора как принципала по выбору и продвижению наиболее одобряемой им кандидатуры, так как теперь регион институционально включается в процесс избрания местного главы [Гилев, Шевцова 2021, с. 262; Мэттью, Сельцер 2015, с. 11]. Кроме того, чаще всего именно представитель региона является председателем комиссии, что дополнительно добавляет вес региональной власти в рамках конкурсной процедуры [Зуйкина, Кочнева 2017, с. 173].

Представляется, что в этих условиях поддержка местного главы губернатором, а значит, его «выживаемость» зависит от соблюдения мэром-агентом условий неформального контракта с принципалом-губернатором. В чем в первую очередь заинтересована региональная власть? На основании исследований отношений «центр – регион» [Golosov, Tkacheva 2018, p. 8; Tkacheva 2022, pp. 101, 115–116] можно предположить, что на современном этапе развития политического режима в России губернатор в отношении муниципалитетов тоже придерживается стратегии «неприятия рисков».

Предложенная Т. Ткачевой и Г. Голосовым теория «долгосрочно-неприятия рисков» предполагает, что федеральный центр принимает решение относительно целенаправленной досрочной отставки ценного губернатора с целью минимизации возможных рисков при его переизбрании в будущем [Golosov, Tkacheva 2018, p. 8; Tkacheva

¹ Ст. 1 п. 1 Федерального закона № 165-ФЗ от 23 июня 2014 г. «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164503/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100037 (дата обращения 05.03.2022).

2022, pp. 88, 101]. Кроме того, в логике этой же теории отмечается, что центр при принятии решения о поддержке того или иного регионального главы обращает внимание на его «политические компетенции», которые заключаются в способности губернатора сохранять политическую стабильность в регионе и эффективно сотрудничать с региональной элитой [Tkacheva 2022, pp. 115, 119].

Хотя указанные авторы в первую очередь говорят о стратегии минимизации рисков, они отчасти выходят на проблему политической стабильности как значимого фактора «выживаемости» субнациональных лидеров. В логике теории «долгосрочного неприятия рисков» применительно к отношениям «регион – муниципалитет» предполагается, что основным условием «выживаемости» мэра выступает сохранение им политической стабильности.

Под политической стабильностью в этой работе мы предлагаем понимать поддержание неконфликтной политической обстановки в муниципалитете, а также консолидацию местных элит. Это явление достаточно сложно зафиксировать эмпирически, так как отсутствуют прямые индикаторы и индексы. В данном исследовании мы предлагаем способ операционализации политической стабильности посредством анализа предыдущего конкурса, на котором рассматриваемый кандидат был избран главой. Такой индикатор хоть и не охватывает все возможные проявления политической стабильности/нестабильности, позволяет зафиксировать рассматриваемое явление в процессе значимого для локального сообщества события – смены местного лидера посредством конкурса, заменившего прямые выборы. В качестве индикаторов политической стабильности выбраны характеристики конкурса, выделяемые В. Ковиным² и Р. Петровой: конфликтность и конкурентность конкурса [Ковин, Петрова 2017, с. 116–117]. В данной работе будет рассмотрен только один аспект предложенного авторами понимания конкурентности – степень консолидированности голосования депутатов, так как только для его операционализации возможно подобрать релевантные индикаторы в количественном исследовании.

1. Конфликтность/неконфликтность конкурса. Конфликтный характер конкурса, проблемы при его проведении могут выступать сигналом более глубокого конфликта среди локальных элит. Одной из причин этого противоборства является неспособность мэра выстроить конструктивные взаимоотношения с локальным сообществом в силу личных/корпоративных противоречий. Предполагается, что губернатор, заинтересован-

² Признан иностранным агентом на территории Российской Федерации в соответствии с Законом РФ № 2124-1 от 27.12.1991 (ред. от 13.06.2023) «О средствах массовой информации» и Федеральным законом № 149-ФЗ от 27.07.2006 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

ный в политической стабильности, в логике стратегии «неприятия рисков» не будет поддерживать и продвигать инкумбента, если его деятельность в муниципалитете вызывает острое противодействие со стороны части элит и создает угрозу политической стабильности.

H1: Конфликт на предыдущем конкурсе снижает шансы мэра сохранить пост.

2. Конкурентность/неконкурентность конкурса: степень консолидированности голосования в Думе. Консолидированное голосование свидетельствует о всеобщей поддержке данного кандидата, а значит, об отсутствии межэлитных расколов в локальном сообществе. Их наличие может рассматриваться губернатором как потенциальная угроза политической стабильности, что региональная власть стремится избежать. Следовательно, регион не склонен поддерживать тех инкумбентов, которые не смогли заручиться всеми или почти всеми голосами депутатов.

H2: Неконсолидированное голосование депутатов на предыдущем конкурсе снижает шансы инкумбента сохранить пост.

Операционализация и выборка

Под конфликтностью конкурса в работе понимается такая ситуация, при которой акторы конкурсного процесса вступают в прямое или косвенное противоборство через использование конкурсных правил в своих интересах, манипулирование правилами и/или применение других располагаемых ими ресурсов. Это проявляется в срывах и переносах конкурса, давлении на участников конкурсной процедуры, изменении правил и т. д. На основании исследовательской литературы [Зуйкина, Кочнева 2017, с. 171; Ковин, Петрова 2017, с. 117] и анализа эмпирической реальности в работе выделяется 17 индикаторов конфликта (табл. 1). Наличие одного из этих маркеров свидетельствует о конфликтном характере конкурсной процедуры.

Таблица 1

Индикаторы конфликта

№	Индикатор
1	Проблемы с формированием комиссии: комиссия не собралась/распущена по чьей-либо инициативе
2	Перенос заседания комиссии
3	Перенос сроков приема документов на конкурс
4	Срыв конкурса комиссией: комиссия не допустила никого из кандидатов, допустила только одного кандидата

Окончание таблицы 1

№	Индикатор
5	Назначение нового конкурса по независимым от комиссии обстоятельствам
6	Срыв конкурса депутатами: депутаты проголосовали так, что никто из кандидатов не набрал нужного числа голосов
7	Срыв конкурса депутатами: больше половины депутатов не пришли на заседание Думы, нет кворума, конкурс признается несостоявшимся
8	Переголосование депутатов через небольшой перерыв в заседании
9	Проблемы с принятием устава муниципалитета: депутаты отказываются принять устав с новой процедурой избрания главы
10	Проблемы с утверждением положения о конкурсе: депутаты отказываются принять положение о новой процедуре избрания главы (проблемы с принятием)
11	Внеплановая отставка кого-либо из значимых локальных акторов в процессе конкурса
12	Искусственное затягивание процесса конкурса
13	Демонстративные действия депутатов (бойкот/отказ голосовать/уход с заседаний)
14	Оспаривание правил конкурса/изменение правил в процессе конкурса
15	Заявление акторов конкурсного процесса о нарушении правил конкурса
16	Оспаривание результатов конкурса в суде/обращение в суд/в прокуратуру в ходе конкурса
17	Протест населения

Степень консолидированности голосования в местном совете выражается в проценте голосов депутатов, проголосовавших за избранного мэра на предыдущем конкурсе, от общего числа депутатов в Думе. Вычисление процента от общего состава совета, а не от числа присутствующих на заседании обосновано возможным наличием политизированного мотива неучастия депутатов в заседании совета (намерение сорвать конкурс) [Гилев, Шевцова 2021, с. 268]. Операционализация всех переменных представлена в табл. 2.

Таблица 2

Операционализация переменных

Переменная	Операционализация
Политическая выживаемость	0 – не сохранил пост, 1 – сохранил пост
Политическая стабильность	
Конфликтность конкурса	На основании 17 индикаторов конфликта: 0 – нет конфликта, 1 – есть конфликт
Конкурентность конкурса: степень консолидированности голосования в местном совете	Процент голосов депутатов, проголосовавших за избранного мэра на предыдущем конкурсе, от общего числа депутатов в Думе

Исследование выполнено на эмпирическом материале двух регионов: Пермского края и Свердловской области, так как в обоих субъектах во всех муниципалитетах в 2015–2016 гг. введена конкурсная модель избрания местных глав. Кроме того, данные регионы сравнимы с точки зрения социально-экономического положения. В работе рассматриваются только повторные и последующие конкурсы, так как, согласно представленному дизайну исследования, необходимо наличие предыдущего конкурса для оценки политической стабильности. Всего 111 конкурсов. Источниками данных выступили местные и региональные СМИ. Методом исследования выбрана логистическая регрессия, так как зависимая переменная принимает только два значения.

Результаты

Результаты регрессионного анализа представлены в табл. 3.

Проведенный логистический анализ позволяет выявить значимое влияние фактора конфликтности на политическую выживаемость глав: наличие конфликта на предыдущем конкурсе снижает шансы мэра сохранить пост в 2,7 раза по сравнению с его отсутствием. Эти данные подтверждают, что региональная власть вслед за федеральным центром склонна действовать в логике стратегии «неприятия рисков»: губернатор скорее не готов поддерживать и продвигать на должность мэра кандидата, который ранее сталкивался с проблемами при избрании на данный пост, вызывал споры и межэлитные конфликты. Во-первых, это осложняет сам процесс конкурса для

региона (затягивание процесса избрания главы, необходимость согласовывать кандидатуры, искать компромисс), во-вторых, в целом дестабилизирует ситуацию в муниципалитете.

Таблица 3

Результаты исследования

Независимые переменные	Зависимая переменная: политическая выживаемость
Константа	0,44 (0,38) 1,55
Конфликтность конкурса	-0,99* (0,48) 0,37
Степень консолидированности голосования депутатов	-0,002 (0,01) 1,00
N	111
Pseudo-R ² McFadden	0,03

Примечание: * $p < 0,05$ Первое число – коэффициент, в скобках указана стандартная ошибка, третье число – отношение шансов.

Однако степень консолидированности голосования в Думе статистически незначима. Почему раскол при голосовании в местном совете на предыдущем конкурсе оказывается незначимым? В понимании В. Ковина и Р. Петровой неконсолидированное голосование депутатов свидетельствует о конкурентности конкурса [Ковин, Петрова 2017, с. 117]. Представляется, что конкурентность, демонстрирующая политическую борьбу в муниципалитете, является вполне естественной ситуацией и представляет собой лишь потенциальную угрозу для дестабилизации ситуации, а не наблюдаемую явную политическую нестабильность. Можно предположить, что региональная власть в первую очередь обращает внимание на реальные конфликты, а не на их имплицитные угрозы и предпринимает соответствующие меры в условиях уже случившегося конфликта. Следовательно, хотя и один из рассматриваемых индикаторов политической стабильности оказывается незначимым, можно сделать вывод, что политическая стабильность как фактор политической выживаемости мэров все-таки имеет значение: для региона важно сохранение неконфликтного взаимодействия в муниципалитете, губернатор не

готов рисковать и продвигать кандидатуру, которая вызывает конфликт в локальном пространстве.

Полученные результаты подтверждают тренд на применение стратегии «неприятия рисков» вышестоящих руководителей к нижестоящим уровням власти и превращение поддержания политической стабильности в значимый фактор «выживаемости» субнациональных лидеров в РФ [Golosov, Tkacheva 2018, p. 8; Tkacheva 2022, pp. 115–116]. Следуя за исследованиями отношений центр – регион, данная работа позволяет проследить значимость фактора политической стабильности и на муниципальном уровне. Это свидетельствует о постепенном изменении системы требований, предъявляемых региональными лидерами к мэрам, на фоне трансформации режима и системы отношений между центром и регионами.

Проведенное исследование вносит вклад в понимание «выживаемости» местных глав на современном этапе развития политического режима в России. Кроме того, в работе предложены и апробированы индикаторы для операционализации политической стабильности в муниципалитете. Однако данное исследование фиксирует политическую стабильность/нестабильность только в период конкурсного процесса, межэлитные взаимоотношения между конкурсами остаются за рамками рассмотрения. Это оставляет актуальной проблему поиска оптимального индикатора политической стабильности на местном уровне.

Литература

- Гилев, Шевцова 2021 – *Гилев А.В., Шевцова И.К.* Бесконфликтная арена? Эффекты введения процедуры конкурсного отбора глав местной власти в крупных городах России // *Политическая наука*. 2021. № 2. С. 260–281.
- Горохов 2011 – *Горохов В.А.* Факторы сохранения должностей главами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, 2005–2009 гг.: кроссрегиональный сравнительный анализ: Дис. ... канд. полит наук. Пермь, 2011.
- Зуйкина, Кочнева 2017 – *Зуйкина А.С., Кочнева Ю.К.* Конкурсы на должность глав муниципалитетов в Пермском крае: эффекты процедурных правил // *Вестник Пермского университета. Серия «Политология»*. 2017. № 3. С. 169–183.
- Ковин, Петрова 2017 – *Ковин В.С., Петрова Р.И.* Конкурентность в локальном политическом пространстве: конкурсы по избранию глав МСУ и выборы депутатов представительных органов власти в муниципальных районах и городских округах Пермского края в 2012–2017 гг. // *Вестник Пермского федерального исследовательского центра*. 2017. № 4. С. 112–120.

- Мухаметов 2020 – *Мухаметов Р.С.* Кремль и переизбрание губернаторов: факторы поддержки // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2020. № 4 (99). С. 137–152.
- Мэттью, Сельцер 2015 – *Мэттью К., Сельцер Д.Г.* «Свои» vs «Чужие», «Местные» vs «Варяги»: политические конфликты в России на локальном уровне // Вестник Тамбовского университета. Серия «Политические науки и право». 2015. № 3 (3). С. 5–15.
- Попов, Симонова 2005 – *Попов Е., Симонова В.* Эндогенный оппортунизм в теории «принципала-агента» // Вопросы экономики. 2005. № 3. С. 118–130.
- Туровский 2013 – *Туровский Р.Ф.* Местное самоуправление в России как агент в принципал-агентских отношениях с государственной властью // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 12 (058). С. 159–167.
- Beazer, Reuter 2022 – *Beazer Q.H., Reuter O.J.* Do authoritarian elections help the poor? Evidence from Russian cities // The Journal of Politics. 2022. Vol. 84. No. 1. P. 437–454.
- Golosov, Tkacheva 2018 – *Golosov G.V., Tkacheva T.* Let my people run: Pre-election resignations of Russia's governors, 2013–2015 // Problems of Post-Communism. 2018. Vol. 65. No. 4. P. 243–252.
- Reisinger, Moraski 2013 – *Reisinger W.M., Moraski B.J.* Russia's Governors Under Presidential Control, 2005–2012: A Survival Analysis of Gubernatorial Tenures. University of Iowa, 2013. 41 p.
- Reuter, Robertson 2012 – *Reuter O.J., Robertson G.B.* Subnational appointments in authoritarian regimes: Evidence from Russian gubernatorial appointments // The Journal of politics. 2012. Vol. 74. No. 4. P. 1023–1037.
- Rochlitz 2016 – *Rochlitz M.* Political loyalty vs economic performance: evidence from machine politics in Russia's regions // Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP. 2016. Vol. 34. P. 1–33.
- Tkacheva 2022 – *Tkacheva T.* Regional Governors and Political Regime Dynamics in Russia: Resources, Strategies, and Electoral Outcomes. Helsinki, 2022. 173 p.

Политическая конфликтология

УДК 323.2
ББК 66.3(0)

А.И. Шушлебин

Методы противодействия попыткам государственных переворотов на примере событий в Беларуси и Казахстане в 2020–2022 гг.

В статье изучены методы противодействия попыткам переворотов в Беларуси в 2020 г. и в Казахстане в 2022 г. Выявлены условия и отличительные характеристики этих событий. Проведен сравнительный анализ методов противодействия переворотам в Беларуси и Казахстане, по итогам которого выделены их общие и отличительные черты. Предложено объяснение различий в инструментарии противодействия переворотам в данных кейсах.

Ключевые слова: государственный переворот, политический протест, политическое оспаривание, революция, цветная революция

Государственные перевороты опасны для политической стабильности. Их негативные последствия проявляются в политической, экономической, социальной сферах. В XXI в. перевороты остаются фактором возникновения и углубления политических конфликтов. Перевороты или их попытки в таких странах, как Украина, Сирия, Йемен, привели к гражданским войнам и международным конфликтам.

Переворот представляет собой инструмент политической борьбы. Он может использоваться как внутренними акторами для достижения своих целей, так и внешними игроками. Это оружие гибридной войны, которое применяется для политического и экономического передела мира. В данном контексте он рассматривается в качестве серьезной угрозы национальной безопасности. Необходимо проведение политики защиты от них.

В научной литературе нет единого определения переворота. Д. Пауэлл и К. Тайн определяют его как «открытые и явные попытки военных и других элит свергнуть действующую исполнительную власть» [Powell, Thune 2011, p. 252]. Это отражает сущностные черты явления и основано на эмпирическом материале. Можно предложить и другую формулировку: замена ключевых лиц, принимающих политические решения, осуществленная с нарушением политических процедур и правовых норм путем захвата внутривластных акторами контроля над объектами, значимыми для функционирования политической системы [Шушлебин 2023, с. 64].

Политика защиты от государственных переворотов – это комплекс мер по снижению риска и предотвращению государственных переворотов. Выделяются ее направления: прогнозирование переворотов; проведение мероприятий по снижению их риска; защита государства и общества во время попытки переворота; контрпереворот – свержение хунты, пришедшей к власти в результате переворота. Инструментарий может зависеть от политического режима, типа политической культуры, уровня развития политических институтов.

Развитие гражданского общества и новые технологии смены режимов придали государственным переворотам гибридный характер. Переворот перестал быть исключительно делом элиты. Массовое политическое действие стало одним из его атрибутов. Протестная мобилизация граждан уже прочно вошла в инструментарий государственных переворотов. Д. Джонсон и К. Тайн рассматривают массовые политические протесты как фактор риска государственных переворотов [Johnson, Thune 2018, p. 597]. В российской науке переворот с протестным участием населения называют «цветной революцией». А.В. Манойло определяет цветную революцию как «технологии организации государственных переворотов с помощью акций массового гражданского неповиновения, перерастающих в управляемый народный бунт» [Манойло 2005, с. 918]. Д. Лейн предложил термин «революционный переворот» для обозначения технологий смены политического режима с помощью массовых политических протестов без цели осуществить социальные изменения [Лейн 2010, с. 37].

Политические кризисы в Беларуси в 2020–2021 гг. и в Казахстане в 2022 г. можно рассматривать в качестве попыток переворотов. Оппозиция предпринимала действия по силовому захвату политической власти в странах. Все это сопровождалось массовыми политическими протестами. Данные кейсы особенно интересны в контексте изучения политики противодействия государственным переворотам. И Беларусь, и Казахстан смогли урегулировать внешнеполитические противоречия и предотвратить свержение действующей

власти оппозицией. Этого не удалось сделать на Украине в 2004 и 2014 гг., в Грузии в 2003 г., Киргизии в 2005 г. и в других странах-мишенях цветных революций. Интересен опыт противодействия переворотам на примере Беларуси и Казахстана.

В российской литературе события в Казахстане в январе 2022 г. интерпретируют как внутриэлитную борьбу и протестную мобилизацию населения. Попытку переворота в Беларуси в основном рассматривают в контексте внешнего вмешательства. А. Притчев анализирует факторы массовых протестов в Казахстане в январе 2022 г. Он называет причины формирования социальной базы протеста: тяжелая социально-экономическая ситуация в ряде регионов, запрос на справедливость, высокая молодежная безработица, рост националистических настроений, внутриэлитные противоречия. Результатом событий он называет завершение процесса транзита власти от Н. Назарбаева к К. Токаеву [Притчин 2022, с. 56–67]. М.О. Дмитриева и З.В. Давыдов отмечают высокую степень скоординированности протестующих в Казахстане и связывают события с внутриэлитной борьбой [Дмитриева, Давыдов 2022, с. 112–122]. А.В. Манойло называет попытку переворота в Беларуси «точкой сборки» и полигоном отработки новейших практик «цветных революций», «сплавом» технологий киевского Евромайдана (2013–2014), протестных акций в Гонконге (2019–2020) и Венесуэльского прецедента (2019)¹. Отметим, что исследователи в основном изучают причины и факторы политических кризисов в Беларуси и Казахстане, ход событий и их последствия. Практики противодействия попыткам переворота остаются малоизученными.

Белорусские события 2020–2021 гг. характеризуются как использованием классических технологий цветных революций, так и применением новых приемов. Выделяются следующие их черты:

1. Привязка к электоральному циклу.

9 августа 2020 г. в Республике Беларусь прошли президентские выборы, на которых победил действующий глава государства Александр Лукашенко. Оппозиция не признала их результаты, и с 9 августа начались протесты.

2. Изначальная политизация требований и четкая программа оппозиции.

Оппозиция изначально не признала выборы и выдвинула политические требования. Уже 10 августа Светлана Тихановская подала жалобу в ЦИК о признании их недействительными.

¹ Манойло А.В. «Белорусская весна» – 2020 как точка сборки практик «цветных революций» нового типа: опыт противостояния // Портал «История.рф». URL: <https://histrf.ru/magazine/article/beloruskaya-vesna-2020-kak-tochka-sborki-praktik-cvetnyh-revolyuciy-novogo-tipa-opyt-protivostoyaniya?ysclid=lm9mm2cs4v113787155> (дата обращения 31.01.2023).

3. Масштабное давление иностранных акторов.

Протесты координировались с территории Польши и Литвы². Сейм Литвы признал Светлану Тихановскую президентом Белоруссии, а созданный оппозицией координационный совет – единственным законным представителем Белоруссии. ЕС и США не признали результаты выборов в Беларуси.

4. Формирование альтернативной власти.

Оппозиция создала на территории Литвы координационный совет («правительство в изгнании»). В Беларуси формируются стачечные комитеты.

5. Тактика «роя» протестующих.

Отсутствует централизованный лагерь протестующих вроде киевского «майдана». Оппозиция сознает его уязвимость перед действиями силовиков. Используется тактика рассредоточенных потоков протеста, которые направляются в разные точки города³.

6. Координация протестующих через соц. сети.

Используются мессенджеры WhatsApp и Telegram, а также приложения с возможностью обмена информацией без доступа в Интернет.

7. Мобилизация отдельных социальных групп.

Оппозиция проводит женские марши, стачки сотрудников промышленных предприятий, протесты студентов и пенсионеров. Оказывается давление на силовиков.

В Казахстане так же, как и в Беларуси, прошли массовые протесты. Однако есть существенные отличия:

1. Переход от социально-экономических требований к политическим.

Протесты начались из-за повышения цен на сжиженный газ. Однако после уступок правительства беспорядки не прекратились. Были выдвинуты политические требования: отставка правительства и освобождение задержанных протестующих.

2. Наступление с периферии и эскалация протестов в регионах.

В отличие от Беларуси, где основные события проходили в столице, протесты в Казахстане начались на периферии и охватили почти всю страну. Первые беспорядки произошли в г. Жанаозен 2 января 2022 г. Затем протесты проходили в Алматы, Нур-султানে, Костанаяе, Кокшетау, Павлодаре, Караганде, Семее, Усть-Каменогорске, Жезказгане, Аральске, Атырау, Актобе, Уральске, Актау, Байконуре, Кызылорде, Таразе, Шымкенте.

3. Высокий уровень вооруженного насилия и атака на объекты инфраструктуры.

² Манойло А.В. «Белорусская весна» – 2020...

³ Там же.

Если в Беларуси уровень насилия был невысок, то в Казахстане за время протестов погибли 225 человек, пострадали 4578 (из них 4553 ранены).

4. Отсутствие выраженной иностранной поддержки попытки переворота.

Иностранные акторы не выступили публично в поддержку свержения действующей власти в Казахстане.

5. Отсутствие публичного лидера протеста.

В Казахстане не выделялись конкретные лидеры беспорядков.

В ходе исследования был проведен анализ методов противодействия попыткам переворотов в Беларуси в 2020 г. и Казахстане в 2022 г. В качестве эмпирической базы использовались сообщения российских, белорусских и казахстанских СМИ, социальных сетей.

Можно выделить 29 методов в Республике Беларусь: 1) легитимное насилие в отношении протестующих; 2) вербальная поддержка со стороны иностранных акторов (Китай, Россия, Казахстан); 3) частичное освобождение участников протеста и официальные извинения за нарушения при задержаниях; 4) усиление военного присутствия РФ на западных границах; 5) обращения президента к нации; 6) организация провластных митингов; 7) обвинения иностранных акторов в дестабилизации и формирование образа врага – подстрекателя беспорядков; 8) визиты президента на промышленные предприятия; 9) награждение силовиков; 10) возбуждение уголовного дела о захвате власти; 11) закрытие предприятий, на которых проходили забастовки; 12) взятие под охрану воинских мемориалов и памятников армией; 13) ношение президентом Беларуси оружия; 14) задержание лидеров оппозиции; 15) решение об увольнении оппозиционеров – сотрудников государственных учреждений; 16) формирование РФ резерва сотрудников правоохранительных органов для поддержки Беларуси; 17) введение ответных санкций в отношении иностранных акторов; 18) задержание деятелей культуры и шоу-бизнеса, поддерживавших оппозицию; 19) закрытие границ с иностранными государствами, поддерживавшими протест; 20) жалобы жителей Минска на несанкционированные митинги; 21) анонсирование конституционной реформы; 22) уголовные дела за распространение данных о сотрудниках правоохранительных органов; 23) объявление лидера оппозиции Беларуси в розыск в России; 24) заявление о неформальном соглашении лидера оппозиции с властью; 25) ограничение доступа в Интернет в Беларуси; 26) признание экстремистскими оппозиционных медиа и блокировка оппозиционных новостных порталов; 27) создание народных дружин по обеспечению порядка; 28) публикация перехваченных разговоров оппозиции; 29) блокировка счетов лидеров оппозиции в белорусских банках.

Казахстанские власти также применяли различные методы для стабилизации ситуации: 1) уступки митингующим в сфере экономической политики; 2) видеобращения президента к нации; 3) легитимное насилие в отношении протестующих; 4) кадровые перестановки (отставка правительства, снятие с должности ряда государственных деятелей); 5) арест возможных лидеров переворота; 6) ограничение связи и доступа в Интернет; 7) введение чрезвычайного положения и режима контртеррористической операции; 8) вербальная поддержка иностранных акторов (РФ, Беларусь, Турция, КНР); 9) ввод миротворческого контингента ОДКБ.

Общими для обоих кейсов выступают такие меры, как обращения президента к нации, применение активных силовых мер, задержание лидеров или бенефициаров беспорядков, блокировка оппозиционных медиаресурсов, иностранная поддержка, уступки населению. Однако выделяются существенные различия между казахстанским и белорусским подходами к разрешению кризисов: мобилизация сторонников режима в Беларуси, кадровые перестановки в Казахстане, акцент на внешней угрозе в Беларуси и внутренней в Казахстане, больший инструментарий мер в Беларуси, ввод иностранных войск в Казахстан.

С чем связаны различия в технологиях противостояния переворотам? Оказала влияние длительность кризисов. Если в Казахстане события развивались в краткие сроки и уже спустя три дня угрожали государственному суверенитету, то кризис в Беларуси приобрел затяжной характер. В таких условиях белорусские власти имели больше времени для применения различных форм противодействия деструктивным политическим технологиям. Также различался уровень насилия со стороны протестующих. Если в Беларуси после первых силовых акций со стороны государства оппозиция перешла к более мирному протесту, то в Казахстане беспорядки приобрели угрожающий масштаб и привели к сотням погибших и тысячам раненых. Существовал риск начала гражданской войны. В таких условиях власти ввели чрезвычайное положение и обратились за помощью к ОДКБ. Оказал влияние фактор иностранной поддержки оппозиции. В Беларуси необходимо было активное противостояние внешнему давлению, чего не было в Казахстане.

Кейсы противодействия переворотам в Беларуси и Казахстане в 2020–2022 гг. необходимо изучать и использовать как положительный опыт защиты суверенитета государства. Успех обеспечили использование легитимного насилия, зачистка политического поля, иностранная поддержка, прямой диалог лидера с нацией, обеспечение лояльности силовиков. Однако инструментарий защиты от переворотов не универсален и нуждается в корректировке по мере возникновения новых технологий смены режимов.

Литература

- Дмитриева, Давыдов 2022 – *Дмитриева М.О., Давыдов З.В.* Кризис в Казахстане: предварительные итоги, анализ причин, реакции зарубежных партнеров // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. 2022. № 1 (53). С. 112–122.
- Лейн 2010 – *Лейн Д.* Оранжевая революция: «народная революция» или революционный переворот? // Полис. Политические исследования. 2010. № 3. С. 31–53.
- Манойло 2005 – *Манойло А.В.* Гибридные войны и цветные революции в мировой политике // Право и политика. 2005. № 7. С. 918–929.
- Притчин 2022 – *Притчин С.А.* Политический кризис в Казахстане // Россия и новые государства Евразии. 2022. № 1. С. 56–67.
- Шушлебин 2022 – *Шушлебин А.И.* Государственный переворот: основные подходы к пониманию явления // Неделя студенческой науки ВИЭСУ 2022: Сб. докладов и выступлений на науч. студ. конф. Воронеж, 2023. С. 61–69.
- Johnson, Thyne 2018 – *Johnson J., Thyne C.* Squeaky wheels and troop loyalty: How domestic protests influence coups d'état, 1952–2005 // Journal of Conflict Resolution. 2018. № 62 (3). P. 597–625.
- Powell, Thyne 2011 – *Powell J., Thyne C.* Global instances of coups from 1950 to 2010: A new dataset // Journal of Peace Research. 2011. № 48 (2). P. 249–259.

М.А. Канифатов

Влияние этнополитических конфликтов на федеративные отношения в современной России: институциональные аспекты и политика памяти

Статья посвящена анализу федеративных отношений в Российской Федерации. Одной из важнейших характеристик российского федерализма является де-факто асимметричность, которая подразумевает уникальное положение национальных республик. Этнополитический конфликт как частный случай конфликтов интересов в федерациях представляет собой особую область для политического анализа. В частности, в работе рассматриваются вызовы, с которыми сталкивается федеральный центр в процессе федеративного торга, а именно: необходимость успешной медиации конфликтов, а также сохранение баланса между публичными и непубличными действиями. Так на примере ситуации с наименованием руководителя Республики Татарстан и абзаца в новом школьном учебнике по истории раскрываются особенности решения федеральным центром проблем институционального плана и применения политики памяти. Исследование особенностей поведения федерального центра в подобных кризисных ситуациях помогает получить представление о характере сложившихся федеративных отношений в России.

Ключевые слова: федерализм, федеративные отношения, регионы, национальные республики, этнополитические конфликты

Тема межэтнического взаимодействия как никогда актуальна в современном политическом дискурсе. Это наблюдается в разрезе происходящих политических конфликтов – глобальных, локальных, а также в рамках обострившейся проблематики существующей миграционной политики. Тем самым пространство внутригосударственного взаимодействия политических субъектов аналогично представляет собой поле для пристального анализа.

Федерализм как системная характеристика государства неизбежно ставит вызовы российской политической действительности, так

как предполагает постоянное взаимодействие акторов по вопросам распределения ресурсов, привилегий и зон ответственности. Подобный механизм характеризуется как федеративный торг, который может обостряться в асимметричных федерациях, где субъектами выступают также группы с выраженной этносоциальной идентичностью [Элейзер 1995, с. 114].

Основная цель исследования – на основе актуальных кейсов, несущих в себе этнополитическое начало, обнаружить особенности взаимодействия политических субъектов в рамках федеративных отношений Российской Федерации. В связи с тем что региональные власти в национальных республиках так или иначе обладают особыми преференциями в рамках российской федеративной системы [Цветкова 2019, с. 152], важным становится анализ действий федерального центра по отношению к национальным республикам в конфликтных ситуациях.

Под этнополитическим конфликтом понимается противостояние, в котором этническая идентичность становится источником мобилизации и используется в целях получения материальных и нематериальных ресурсов или особого статуса [Семененко и др. 2016, с. 71]. Обратим внимание на два события, которые так или иначе означают вызов региональных элит status quo – ситуация с наименованием должности руководителя Республики Татарстан и ситуация с абзацем нового учебника истории о депортации народов Северного Кавказа.

Противостояние федерального центра и Татарстана имеет исторический характер и продолжается с момента распада Советского государства. В 1990-е гг. вопрос о статусе республик и правах титульных наций стоял предельно остро. Современные договорные отношения Москвы с Казанью начались с «Договора о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» – федеративного договора, подписанного 15 февраля 1994 г. Именно в этом документе впервые представителем одной из сторон в рамках федеративных отношений указывается Президент Республики Татарстан¹.

Впоследствии в связи с принятием поправок в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской

¹ Договор Российской Федерации и Республики Татарстан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» // АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/917000311> (дата обращения 13.01.2024).

Федерации» в 2003 г.² начался процесс унификации субъектов РФ. После одобрения Госсовета Татарстана в 2007 г. Государственной думой был утвержден новый договор о разграничении предметов ведения и полномочий с десятилетним сроком³.

К 2017 г. актуализировалась конфликтная ситуация, в которой с истечением срока федеративного договора нерешенными оставались вопросы статуса главы республики, юридического статуса республики и необходимости руководителю региона знать два языка – русский и татарский. Однако после истечения срока договора сложилась двойственная ситуация, в которой федеральный центр отказывался от идеи подписания нового договора, но и вышеуказанные проблемные точки сохраняли свое неподвижное состояние на неопределенный срок.

Новый виток конфликтной ситуации придал принятый в 2021 г. закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», в частности закрепляющий два возможных наименования руководителя субъекта РФ – «глава» и «губернатор»⁴.

Рассматривая данную ситуацию с неинституциональных позиций, следует отметить, что процесс унификации субъектов РФ и действия субъектов РФ в противовес проводимым мероприятиям имеют не только структурный характер, но и обостряют вопрос сохранения ранее достигнутых преференций [Захаров 2001, с. 127]. Вопрос статусного положения существующих институтов важен как для федерального центра, так и для региональных элит с точки зрения легитимации собственной власти, поэтому рассмотрим последующие события как попытки артикуляции собственных статусных интересов политических акторов.

² Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”» от 04.07.2003 № 95-ФЗ (последняя редакция) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43126/ (дата обращения 13.01.2024).

³ Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан // Единый портал органов государственной власти и местного самоуправления «Официальный Татарстан». URL: <https://tatarstan.ru/documents/polnomochia.htm> (дата обращения 13.01.2024).

⁴ Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/c3dc1bae742d3abff618d08723f4f46a03080c4c/ (дата обращения 13.01.2024).

Принятие закона вызвало крайне негативный отклик как в татарском обществе, так и в политическом истеблишменте. В Набережных Челнах и Казани прошли пикеты молодежного союза «Азатлык» за сохранение должности президента⁵, а Госсовет Татарстана единогласно проголосовал за решение не поддерживать законопроект⁶.

В отличие от антагонистичной позиции Татарстана примечателен публичный подход к конфликтной ситуации со стороны федерального центра. Так на заседании Президиума Госсовета 21 июня 2022 г. Владимир Путин называет Рустама Минниханова после его выступления Президентом Татарстана⁷. Однако уже 12 июля в Указе Президента «О внесении изменений в состав Государственного совета Российской Федерации» должность Рустама Минниханова меняется на «Глава Республики Татарстан»⁸. Данный факт говорит о двойственности поведения федерального центра в публичном и непубличном пространстве, направленного на разных адресатов информации.

Кульминацией стало принятие 23 декабря 2022 г. Госсоветом Татарстана поправок в конституцию республики⁹. Региональными властями был найден оптимальный выход из проблемной ситуации – наименование должности руководителя республики было изменено на титул арабского происхождения «Раис». Изначально планировалось оставить наименование Президент до региональных выборов 2025 г., но уже 26 января 2023 г. Госсовет Татарстана принимает новые поправки, которые официально вводили изменение наименования главы региона на «Раис»¹⁰. Помимо прочего,

⁵ В Татарстане прошли одиночные пикеты за сохранение должности президента республики // Электронное периодическое издание “ProKazan”. URL: <https://prokazan.ru/news/view/v-tatarstane-prosli-odinocnye-pikety-zashranenie-dolznosti-prezidenta-respubliki> (дата обращения 13.01.2024).

⁶ Парламент Татарстана выступил против ликвидации должности президента республики // Сетевое издание «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5050034> (дата обращения 13.01.2024).

⁷ Заседание Президиума Госсовета // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68687> (дата обращения 13.01.2024).

⁸ Внесены изменения в состав Госсовета и в Указ «Вопросы Государственного Совета Российской Федерации» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/68866> (дата обращения 13.01.2024).

⁹ Закон Республики Татарстан от 31 декабря 2022 г. № 109-ЗРТ «О внесении изменений в Конституцию Республики Татарстан» // Интернет-портал «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/documents/2023/01/06/tatarstan-zakon109-reg-dok.html> (дата обращения 13.01.2024).

¹⁰ Закон Республики Татарстан от 26.01.2023 № 1-ЗРТ «О внесении изменений в Конституцию Республики Татарстан» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1600202301300001> (дата обращения 13.01.2024).

новые поправки исключали из конституции формулировки о суверенитете республики, необходимости кандидатов на пост главы региона владеть двумя языками, а также все упоминания о федеративном договоре.

Стоит отметить, что в медийной среде негативно высказался о смене наименования на «Раис» автор законопроекта сенатор Андрей Клишас, отметив, что, согласно юридической норме, регион может возглавлять либо губернатор, либо глава¹¹. Однако уже пресс-секретарь Президента Дмитрий Песков призвал отнестись к решению региональных властей с уважением¹². Данный факт также показывает успешный способ медиации конфликта – федеральный центр не стал настаивать на смене наименования руководителя региона согласно букве закона в целях сглаживания сложившегося противоречия.

Несмотря на институциональные изменения в конституции Республики Татарстан предоставление уникального наименования главе региона по сравнению с остальными субъектами РФ может также являться решением, направленным скорее вовне, чем на региональные элиты. Тогда как вопросы юридического характера, касающиеся зон ответственности республики, были разрешены, вероятнее всего, непублично, и на них не было сделано медийного акцента, уступки по поводу наименования главы имеют характерно статусное отражение, которое может быть направлено на жителей региона. Кроме того, подобное решение может быть продиктовано и внешнеполитическим целеполаганием: так как с представителями Татарстана в 2023 г. проводили встречи делегации Ирана, ОАЭ и Афганистана, подобный статус может рассматриваться как указатель на то, что данный регион – центр ислама в России.

Еще одним примером федеративного торга является ситуация вокруг нового учебника по истории для старшеклассников. Так Владимир Путин поручил разработать новые учебники по истории и обществознанию с учетом актуальной повестки еще в начале 2023 г., а уже 7 августа 2023 г. помощник президента Владимир Мединский представил новый учебник по истории.

Конфликтная ситуация обнажилась 23 сентября с реакцией властей Чеченской Республики на фрагмент учебника о депортации народов Северного Кавказа во время Великой Отечественной

¹¹ Клишас призвал Казань к «мудрому решению» по президенту-раису // Сетевое издание «РБК». URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/12/2022/63a5c7d19a7947704b72f618> (дата обращения 13.01.2024).

¹² Песков призвал отнестись с уважением к решению о переименовании должности президента Татарстана // Сетевое издание «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5748597> (дата обращения 13.01.2024).

войны¹³. Раскритиковав абзац о «случаях сотрудничества с оккупантами», представители репрессированных народов обратились к федеральным ведомствам с целью изменения текста учебника¹⁴.

В данном случае федеральные власти столкнулись с вопросом о практическом применении политики памяти в общественном пространстве. Победа в Великой Отечественной войне является одним из важнейших элементов современного дискурса общероссийской идентичности, а также постулирует идею единения народов России [Савин, Касабуцкая 2019, с. 90]. Данный элемент дискурса признается в публичном пространстве священным¹⁵, в связи с чем подобные кризисные ситуации являются серьезным вызовом для выстраиваемой государством парадигмы идентичности – в особенности когда целая общность стремится оспорить несправедливую с ее точки зрения историческую оценку.

Можно предположить, что федеральный центр видит издержки обострения отношений с кавказскими регионами крайне высокими, из-за чего в короткие сроки было заявлено о том, что фрагмент учебника истории будет переписан¹⁶.

Важно отметить, что в период медийного обсуждения данной ситуации ни пресс-секретарь президента Дмитрий Песков, ни Владимир Путин или иные представители федеральной власти публично не поднимали обсуждение этого вопроса. Освещение данной ситуации в медийном пространстве происходило исключительно со стороны региональных властей в лице глав регионов или других высших государственных региональных чиновников, а также таких общественных организаций, как Российский конгресс народов Кавказа (РКНК). Так 23 октября РКНК сообщил о том, что с Министерством просвещения согласованы правки учебника истории, а один из авторов учебника заявил, что обновленная редакция учебника появится в новом учебном году¹⁷.

¹³ В Чечне недовольны новыми учебниками истории Мединского. Кадыров поручил разобраться // Российское интернет-издание «Газета.Ру». URL: <https://www.gazeta.ru/social/2023/09/23/17633185.shtml> (дата обращения 13.01.2024).

¹⁴ Обращение главы РКНК // Официальный сайт Российского Конгресса народов Кавказа [Электронный ресурс]. URL: <https://ркнк.рф/2023/09/27/обращение-главы-ркнк/> (дата обращения 13.01.2024).

¹⁵ Путин заявил, что память о Великой Отечественной войне абсолютно священна // Сайт Российского информационного агентства ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8785155> (дата обращения 13.01.2024).

¹⁶ В новых учебниках истории перепишут главу о репрессированных народах СССР по требованию властей Чечни // Сетевое издание «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6236579> (дата обращения 13.01.2024).

¹⁷ Конгресс народов Кавказа сообщил о согласовании правок в учебнике истории // Сетевое издание «РБК». URL: <https://www.rbc.ru/society/23/10/2023/653692629a794771ecc6263f> (дата обращения 13.01.2024).

Отметим также, что на период обновления учебников образовалась двойственная интерпретация политики памяти. С одной стороны, в интернет-пространстве уже появились изображения с новым фрагментом текста из будущей редакции учебника по истории, но, с другой стороны, ученики старших классов все еще продолжают обучение по уже устаревшему варианту учебника. Данная ситуация также может привести к диссонансу в формируемом государственном историческом дискурсе, что требует дополнительного анализа.

Можно сказать, что федеральный центр пошел в этой ситуации на уступки, и конфликт был погашен, однако взаимодействие с регионами происходило исключительно по непубличным каналам связи. В связи с этим усматривается желание федерального центра свести свою роль в рамках публичного освещения федеративного торгового к минимуму, связанное с высокой конфликтогенностью проблематики, которая могла возникнуть при широком общественном обсуждении. Также по сравнению с ранее рассмотренным кейсом из-за отсутствия публичной медиации со стороны федерального центра медийная повестка была перехвачена региональными элитами.

Рассмотрев данные кейсы, можно прийти к следующим выводам. В рамках разрешения федеративного торгового федеральному центру несвойственно активное публичное освещение процесса двустороннего взаимодействия, особенно если ситуация принимает кризисный характер или имеет конфликтогенный потенциал – характерным же является непубличный торговый. В рамках информационного аспекта федеративного торгового прослеживается более активная позиция региональных властей, которые стараются спровоцировать ответную реакцию федерального центра и склонить его к компромиссу или уступкам.

Литература

- Захаров 2001 – Захаров А.А. «Исполнительный федерализм» в современной России // Полис. Политические исследования. 2001. № 4. С. 122–131.
- Савин, Касабуцкая 2019 – Савин С.Д., Касабуцкая М.С. Общациональные российские ценности в контексте формирования коллективной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. Т. 12. № 1. С. 82–97.
- Семенов и др. 2016 – Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы «большой теории» // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 69–94.
- Цветкова 2019 – Цветкова О.В. Особенности современной российской модели федерализма // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 4 (14). С. 147–156.
- Элейзер 1995 – Элейзер Д.Д. Сравнительный федерализм // Полис. Политические исследования. 1995. № 5. С. 106–115.

Геополитика

УДК 327(1ЕС)

ББК 66.4(4)

М.А. Никольский

Субъектность Европейского союза в геополитических процессах: вызовы 2019–2023 гг.

Статья посвящена анализу способности Европейского союза представлять собой субъектного актора в рамках современных геополитических процессов. С точки зрения автора в период с 2019 по 2023 г. произошел ряд кризисов: COVID-19, Специальная военная операция России на Украине, арабо-израильский конфликт, – отражающие степень готовности стран-участниц выступать в качестве единого образования в противостоянии последним, которые несут последние.

Вместе с тем противостояние кризисам осложнено изначально заложенными при развитии интеграции в рамках рассматриваемого геополитического проекта различными формами асимметрии при артикуляции устремлений акторов, его составляющих, относительно дальнейшего развития и манифестации единой позиции.

Это отражается на всех аспектах геополитической субъектности Европейского союза: развитии и оптимизации институтов общей внешней политики и политики безопасности, способности инициировать геополитические проекты, позиционировании как геополитического субъекта, представляющего единую Европу.

Автор показывает, как, с одной стороны, издержки, вызванные выбранным путем интеграции, создают напряженность в рамках самой системы, в частности в правовом взаимодействии стран-участниц с наднациональным объединением, а с другой стороны, сложившаяся конфигурация институтов и акторов Европейского союза не позволяет в случае появления разнонаправленных вариантов мировосприятия выработать единую позицию по ключевым вопросам, снижая эффективность противодействия внешним и внутренним кризисам. Данная тенденция – внутренняя напряженность Европейского союза как геополитического проекта, обладающего низкой управляемостью, которая дополняется внешними кризисами, усиливающими нестабильность, – подвергает всю систему опасности коллапса и снижает субъектность данного актора в геополитической картине мира.

Ключевые слова: Европейский союз, интеграция, институты, геополитический проект, геополитическая субъектность

За последние два десятилетия Европейский союз (далее – ЕС) столкнулся со множеством вызовов: Брексит, миграционный кризис, рост евроскептицизма. Вместе с тем указанные кризисы и их влияние на ЕС во многом нашли свое отражение в научных трудах. Учитывая вышеизложенное, представляется актуальным проанализировать влияние крупнейших кризисов последних лет: COVID-19, Специальная военная операция России на Украине, арабо-израильский конфликт – тот эффект, который они оказывают на его способность представлять из себя субъектного игрока в современной геополитической картине мира. Попытка проанализировать данную тематику невозможна без рассмотрения собственно понятия геополитической субъектности и тех факторов, которые накладывает на ее формирование для ЕС уникальная форма данного образования.

Непосредственно же субъектность, в своем академическом определении, является способностью выступать автономным агентом действия, то есть субъектом, способным изменять самого себя и окружающий мир. Отдельные авторы детерминируют понятие геополитической субъектности через способность прямо конкурировать с другими политическими образованиями. В частности, Р.Д. Гребнев определяет геополитическую субъектность как способность политического актора расширять свои территории и сопротивляться иным политическим образованиям, осуществлявшим экспансию [Гребнев 2023, с. 11]. Вместе с тем, учитывая уникальность устройства ЕС как геополитического образования, нам представляется необходимым расширить указанное понятие, включив в него категорию влияния на пространство в совокупности. Это приобретает особое значение, когда мы рассматриваем пространство как модель взаимосвязанного взаимодействия акторов, обладающих различным геополитическим потенциалом [Грачев 2019].

Таким образом, в контексте геополитики можно задать два вектора рассмотрения геополитической субъектности ЕС: с одной стороны, его способность управлять собой как геополитическим проектом, с другой – способность выступать влиятельным геополитическим актором, добиваясь реализации своих интересов.

Первое осложняется особенностью ЕС, который являет собой коллективного игрока, реализующего собственный проект, с одной стороны, артикулируя устремления большинства акторов, его составляющих, с другой – преодолевая противоположные векторы стран-членов, в силу внутривнутриполитических причин отходящих от превалирующих в дискурсе понимания его целей и задач. Трансформация институциональной основы европейской интеграции была обусловлена межправительственным уровнем ее разработки, где дальнейшее продвижение являлось выражением компромисса национальных государств, что связано с высокой ролью межнацио-

нальных институтов¹ (лишь экономический вектор контролируется наднациональными органами)², определяющих интеграцию, артикулируя все геополитические вектора стран-участниц коллективного субъекта. Подобное обусловило развитие интеграции через различные формы асимметрии. В контексте нашего исследования уместно привести классификацию Л.О. Бабыниной – разносторонняя интеграция; *à la carte* (франц., дословно «по желанию»); и изменяемая геометрия [Бабынина 2010, с. 33].

Разносторонняя интеграция подразумевает достижение цели по мере соответствия стран необходимым требованиям (например, подготовительные периоды для вступления новых членов в Шенгенскую зону и принятия евро в качестве основной валюты).

В модели *à la carte* каждый член выбирает те сферы, в которых он хотел бы развиваться, что реализуется преимущественно в рамках Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ), меры по постоянному структурированному сотрудничеству (PESCO)³ в вопросах производства оружия.

При *изменяемой геометрии* речь идет о создании проектов более низкого уровня как в рамках союзного законодательства, в которых может участвовать отдельный ряд заинтересованных акторов. Она может иметь различные формы: продвинутое сотрудничество; перманентные исключения из правил Единого внутреннего рынка, *Case-by-case*, отраженное в формате конструктивного воздержания, которое позволяет воздерживаться от участия в голосовании по спорным вопросам [Бабынина 2010, с. 34].

Последняя форма нашла свое отражение в том числе в правовой системе. Так в решении Суда Европейского экономического сообщества (в 1970 г.) заявлено, что закон Сообщества имеет преимущественную силу над национальными правовыми актами, включая конституции. Тем не менее конституционные суды стран-участниц, избегая открытых конфликтов с Европейским судом по правам человека, нередко отдают предпочтение национальным конституциям.

Так Италия оставила за собой право проверять, не влечет ли делегирование полномочий нарушение основополагающих принципов кон-

¹ Treaty on European Union // Official Journal of the European Union. 1992. July 29. P. 191.

² Маастрихтский договор опирался на три вектора: первый – экономический, объединивший Европейское объединение угля и стали, Европейское сообщество по атомной энергии и Европейское экономическое сообщество; второй представлял из себя Общую внешнюю политику и политику безопасности; третий – внутреннюю политику и юстицию.

³ PESCO: Ein Meilenstein auf dem Weg zur Verteidigungsunion // Bundesministerium der Verteidigung. URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/pesco-ein-meilenstein-auf-dem-weg-zur-verteidigungsunion-19806> (дата обращения 12.01.2024).

ституционного порядка и неотъемлемых прав личности, а Испания – не нарушает ли интеграция основополагающие права и структурные принципы конституционного строя [Чехарина 2019, с. 75].

Самым ярким отражением данного феномена явился спор по поводу верховенства национальной польской правовой системы относительно наднационального права. Так с 2015 по 2018 г. польская власть приняла целый ряд законов, влияющих на национальную правовую систему, что при условии, что значительная часть правовых положений истекает, прямо или косвенно из правовой системы ЕС, с точки зрения Европейской комиссии, приводит к нарушению независимости судебной системы.

Эскалация произошла в 2017 г., когда была начата процедура по восстановлению верховенства права ЕС на основании статьи 7 Договора о ЕС. В октябре 2018 г. Европейская комиссия инициировала разбирательство против Польши в Суде ЕС. Разбирательство продолжалось до июня 2019 г. и завершилось вынесением решения Судом ЕС в отношении Польши, в котором констатировало нарушение принципов независимости суда и верховенства права [Чехарина 2019, с. 77]. В октябре 2021 г. суд ЕС даже наложил на Варшаву штраф в размере €1 млн в день до выполнения решения, касающегося этих норм⁴. Вместе с тем ЕС не обладает инструментами для принуждения своих членов к уплате штрафа, кроме как вычитания его из средств, которые государство должно получить из бюджета [Михалев 2021, с. 84].

В настоящий момент ситуация осложняется влиянием эпидемии COVID-19 на экономическое состояние ЕС. Европейская комиссия получила инструмент влияния на те страны-участницы, которые противоречат общей проводимой политике в виде блокирования ресурсов на постковидное восстановление экономики. Так, Европейская комиссия заблокировала 35,4 млрд евро, выделенные на восстановление Польши⁵. В свою очередь, Польша блокирует отдельные решения ЕС. Так, на саммите в Гранаде Польша заблокировала принятие решения о расселении нелегальных мигрантов по Европе⁶. Несмотря на то что ситуация в настоящий момент частично нивелирована,

⁴ Суд ЕС наложил на Польшу штраф в €1 млн в день // Сайт российского информационного агентства ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12777949> (дата обращения 12.01.2024).

⁵ Дональд Туск обещает вернуть Польшу на «европейскую сцену» // Сайт информационного телеканала Euronews: сайт. URL: <https://ru.euronews.com/my-europe/2023/10/25/eu-video-web-tusk-back-in-brussel> (дата обращения 12.01.2024). Внесен Роскомнадзором в реестр запрещенной информации.

⁶ Польша и Венгрия против миграционной реформы ЕС // Сайт информационного телеканала Euronews. URL: <https://ru.euronews.com/2023/10/06/migration-crisis-poland-and-hungary-oppose-the-reform> (дата обращения 12.01.2024). Внесен Роскомнадзором в реестр запрещенной информации.

окончательно она не разрешена, и Польшей неоднократно ставились под угрозу решения относительно применения санкций к РФ, выделения финансовой помощи Украине и т. д. [Шишелина 2020, с. 15].

Аналогичной позиции придерживается Венгрия, которой также заблокировали средства на постковидное восстановление. Президент Венгрии В. Орбан, введя чрезвычайное положение в ответ на пандемию коронавируса, использовал кризис в качестве предлога для удержания власти путем предоставления ему парламентом расширенных полномочий на неограниченный срок, среди которых право обходить необходимость созыва собрания по любому закону, которые могут быть отменены только парламентом, а впоследствии ввел режим чрезвычайной ситуации в связи со специальной военной операцией РФ на Украине.

Эти самые яркие проявления евроскептицизма показывают нам все несовершенство инструментов Брюсселя. Гибкая интеграция, подарившая возможность расширения, нивелировала способность давить на членов коллективного субъекта, имеющих разногласия с общим вектором политики напрямую, напротив, именно евроскептики обладают возможностью, участвуя в межнациональных институтах, блокировать предлагаемые там инициативы. Вместе с тем практически единственная существенная возможность влияния, необходимого для взаимодействия, обусловлена наднациональным институтом – Европарламентом, который может заблокировать экономическую помощь неугодным странам.

Субъектность же Европейского союза на мировой арене строится в трех измерениях: первое из них – оптимизация Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ); второе – рост способности инициировать геополитические проекты, третье – позиционирование себя как геополитического субъекта, представляющего единую Европу, и взаимодействие с другими игроками геополитической картины мира. При этом каждое направление подвергается испытаниям на текущем этапе.

В рамках ОВПБ изначально действовало правило, согласно которому все решения ЕС по ОВПБ принимались Европейским советом единогласно. Вместе с тем намечается тенденция перехода к принятию решений квалифицированным большинством. Это, с одной стороны, реализовать единую позицию по болезненным вопросам, с другой – ведет к тому, что интересы крупных геополитических акторов могут быть проигнорированы. В частности, в 2019 г. Германия при всем своем желании не смогла воспрепятствовать включению «Северного потока-2» в сферу действия газовой директивы Европейского союза. Однако и более слабые геополитические акторы Восточной Европы чувствуют угрозу данной тенденции, которая может привести к игнорированию их интересов [Ибрагимов 2023, с. 80].

В рамках реализации геополитических проектов стоит выделить Европейскую политику соседства (ЕПС), формирующую пояс дружественных стран и имеющую два вектора: Южный, который представлен Евро-Средиземноморским партнерством (ЕСП), и Восточный, представленный собственно Восточным партнерством.

Реструктуризация проекта ЕСП в 2008 г. через расширение состава участников и соответствующее нарастание противоречий практически полностью исключили политический аспект координации в угоду чисто техническому (вопросы загрязнения, противодействия бедствиям, развития энергетики и т. д.). Несостоятельность такого подхода в итоге была отражена в неспособности отреагировать на Арабскую весну [Руксандра 2015, с. 114]. В текущей же ситуации арабо-израильского конфликта отсутствие четкой позиции ЕС вызвало отторжение его позиций со стороны арабских стран.

Вторым проектом выступает Восточное партнерство, направленное на укрепление связей между Евросоюзом и постсоветскими странами. Оно представляет собой попытку скоординировать взаимодействие с восточными странами-соседями, совмещая двусторонний и многосторонний подходы. Однако, несмотря на относительный успех, выраженный на начальном этапе во влиянии на отдельные страны, в частности это особенно было заметно в Республике Молдова, в конечном итоге данный проект оказался не особенно результативным в связи с усилением РФ [Руксандра 2015, с. 115].

Обобщая представленную информацию, стоит отметить, что геополитические проекты в рамках ОВПБ по созданию «пояса добрососедства» были относительно неуспешны. Попытки опираться на общие ценности (правовое государство, демократия и т. д.) перерастали в техническое взаимодействие (в вопросах миграции, контроля за движением товаров и т. д.), что значительно сокращало инструментарий, необходимый в кризисное время, которое рано или поздно наступало нивелируя затраченные усилия. Это стало особенно очевидно после начала спецоперации РФ в Украине в 2022 г.

Выступление же ЕС как геополитического субъекта, представляющего единую Европу, при выработке ключевых решений по глобальным вопросам также усложняется в момент кризисов. Так, разнонаправленные позиции по палестинскому вопросу внутри ЕС привели к тому, что на Генеральной Ассамблее ООН четыре страны Евросоюза проголосовали против резолюции о прекращении огня, несмотря на то что Союз согласовал единую позицию днем ранее: 8 проголосовали за, 15 воздержались⁷.

⁷ Euronews: сайт. Невнятный Евросоюз рискует потерять влияние на Ближнем Востоке. URL: <https://ru.euronews.com/my-europe/2023/10/31/eu-role-in-mideast> (дата обращения 13.01.2024). Внесен Роскомнадзором в реестр записанной информации.

Подводя итог, можно сказать, что многочисленные проблемы в развитии Европейского союза как политико-геополитического проекта были обусловлены просчетами в изначальной модели интеграции, обусловившей ее низкую управляемость. Определение управления ключевыми сферами в рамках межправительственного уровня привело к ослаблению возможности преодоления сопротивления национальных государств наднациональному объединению. Это, в свою очередь, определило невозможность создания более совершенных инструментов, призванных решать общие проблемы европейских стран. Данная тенденция обусловила недостаточный уровень субъектности Европейского союза для эффективного действия в рамках протекающих в геополитической структуре мира процессов, выраженных в повышении роли жестких методов для подавления конкурентов, возникновении новых глобальных акторов, изменении в отношениях между старыми, появлении новых глобальных угроз безопасности.

Литература

- Бабынина 2010 – *Бабынина Л.О.* Гибкая интеграция в ЕС: классификация и проблемы институализации // *Мировая экономика и международные отношения*, 2010. № 6. С. 31–37.
- Грачев 2019 – *Грачев М.Н.* Геополитическое моделирование как разновидность структурно-функционального анализа мировой политики // *Грачев М.Н. Хрестоматия по геополитике*. Москва; Берлин, Директ-Медиа, 2019. С. 11–17.
- Гребнев 2023 – *Гребнев Р.Д.* Геополитическая субъектность и геополитическая идентичность // *Постсоветские исследования*. 2023. № 1. С. 11–19.
- Ибрагимов 2023 – *Ибрагимов А.М.* Кризис выработки решений ЕС в области Общей внешней политики и политики безопасности как предпосылка распада // *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*. 2023. № 2. С. 78–82.
- Михалев 2021 – *Михалев О.Ю.* Куда ведет Польшу кризис в отношениях с ЕС? // *ВЕЦЖ*. 2021. № 2 (10). С. 78–95.
- Руксандра 2015 – *Руксандра И.* О перспективах европейской политики соседства приграничных зон // *Известия БГУ*. 2015. № 1. С. 110–115.
- Шишелина 2020 – *Шишелина Л.Н.* Будапешт и Варшава: Противостояние с Брюсселем // *Современная Европа*. 2020. № 7. С. 5–15.
- Чехарина 2019 – *Чехарина В.И.* Принцип верховенства права в контексте конституционной практики Польши и оценке органов ЕС // *Юридическая наука*. 2019. № 11. С. 74–78.

Хроника событий

УДК 001(470)
ББК 72.3(2Рос)

Д.В. Миклушова

Советская наука и технологии в оптике молодых ученых: РГГУ на площадке Политехнического музея

Пятого марта 2024 г. на площадке Политехнического музея «Открытая коллекция» состоялся научно-практический семинар «Советская наука в оптике молодых ученых», организованный совместно с Центром истории российской науки и научно-технологического развития Российского государственного гуманитарного университета. В рамках семинара были представлены промежуточные результаты диссертационных исследований аспирантов Российского государственного гуманитарного университета, обучающихся по специальности «История науки и техники» (К.С. Шевякова) и «Отечественная история» (В.В. Слискова). Молодые ученые отразили в своих докладах ряд проблемных сюжетов из истории советской науки, раскрыв тематику сквозь призму микро- и макроподходов.

Модераторами мероприятия выступили Стелла Гургеновна Морозова, заслуженный работник культуры Российской Федерации, ученый секретарь Политехнического музея, и Евгения Андреевна Долгова, директор Центра истории российской науки и научно-технологического развития Российского государственного гуманитарного университета. Они отметили существование особого общественного запроса на исследование советского научного опыта, а Евгения Андреевна посвятила участников семинара в детали работы науковедческого центра, его исследовательской программы.

В первой секции мероприятия прозвучал доклад Валерии Викторовны Слисковой «Организация научных исследований в биомедицинских учреждениях Наркомздрава РСФСР в 1918–1921 гг.», в котором была всесторонне рассмотрена одна из проблемных точек деятельности биомедицинских институтов в первое постреволюционное десятилетие – снабжение учреждений лабораторными

животными. Приглашенные эксперты – Всеволод Николаевич Сергеев, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института медицины труда им. академика Н.Ф. Измерова, и Марина Юрьевна Черниченко, директор Историко-патриотического центра им. Н.В. Троян Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Музей истории медицины), – отметили важность изучения истории медицины с точки зрения социальной истории науки и истории повседневности, раскрываемой в ракурсе микроанализа.

Вторая секция семинара была открыта сообщением Ксении Сергеевны Шевяковой «Профессиональное сообщество нефтяников во второй половине 1920-х – 1950-х гг.: наука на службе геополитики», в котором была предпринята попытка охарактеризовать место профессиональной группы советских нефтяников в мировой нефтепромышленности. Особое внимание исследовательницы было уделено связующим каналам взаимодействия советских ученых с мировым научным сообществом, в том числе публикациям на страницах периодического издания «Нефтяное хозяйство». Благодаря комментариям Юрия Викторовича Евдошенко, редактора журнала «Нефтяное хозяйство», и Ивана Никитовича Косиченко, доцента Российского государственного гуманитарного университета, был скорректирован вектор дальнейших исследовательских изысканий.

Сообщения молодых исследователей вызвали неподдельный интерес у аудитории и спровоцировали активную дискуссию, которая вскрыла множество «белых пятен» и проблемных точек в многоплановом изучении советской науки, а также контекстуально обогатила доклады молодых исследователей. По окончании встречи участники мероприятия смогли ознакомиться с открытыми фондами Политехнического музея на экскурсии, организованной его сотрудниками.

Abstracts

Mariya S. Mikhaylina

Technologies of “spreading post-truth”
and “truth decay” in modern communication space

The article is devoted to the study of the use of technologies of “spreading Post-truth” and “truth decay” technologies in mass media and Internet communication. Particular attention is paid to the mechanisms that trigger the process of “truth decay”, as well as the stages that make it up. The article also provides a classification of post-truths depending on the initial goals of those who disseminate them and the key markers of the phenomenon. The algorithm of spreading post-truth is revealed. A special place is given to the role of censorship in the mechanism of “truth decay”. Examples of the most common distortions of information transmission are given, that have a direct impact on the destruction of truth. Recommendations are given on how to self-detection of post-truth and resistance to the influence of the mechanism of “truth decay” for a particular individual.

Keywords: the phenomenon of “truth decay”, the spread of post-truth, epistemic bubble, echo chamber, priming effect, censorship, factchecking

Andrei N. Brad

Internet resources as a mean of implementation
of the state national policy of the Russian Federation

The article analyzes the features of the implementation of the state national policy through various governmental internet resources. Special attention is paid to evaluating the level of involvement of citizens in issues related to harmonizing and strengthening interethnic and interreligious relations through digital services. Statistical data of the attendance of public resources, as well as the total amount of time that visitors spend on their pages, have been collected and analyzed in the research. The article identifies the main problematic aspects, which are significant obstacles for the implementation of the state national policy through the internet. The analysis is based on materials from the websites of the Federal Agency for Ethnic Affairs and the State Duma Committee on Issues of Nationalities, as well as from the Council for Interethnic Relations.

Keywords: digitalization, strategy, state national policy, governmental internet resources

Polina S. Kotova

The trend governmental control
development over network activity in Runet

The article is devoted to the analysis of the methods and ways adopted by the government to control and regulate the network activity of users of the Russian segment of the Internet. As the World Wide Web spread in Russia its potential as a fundamentally new means of communication including political communication also increased. Legislation regarding the Runet begins to operate according to the scheme of restricting access to information with negative content. If at the first stages these restrictions concerned issues of ethics and morality then later they extended to the activities of specific individuals, information portals, websites, etc. This was due to the complication of the political situation in the world and threats to Russia's national security. The article pays special attention to the laws, as well as the technologies, that were supposed to make them effective and enforceable. As the Internet as a communication tool becomes more complex and evolving, new techniques and methods are needed to respond to emerging challenges in a timely manner, as well as to prevent them.

Keywords: Internet, Runet, Internet resource, network communication, legislation, access restriction

Anastasiya A. Eremina

Russia's energy policy in the context
of the deployment of anti-Russian sanctions

The article analyzes the process of transformation of Russia's energy policy related to the consistent expansion of sanctions pressure on the country's energy sector. Russia is one of the largest exporters of energy resources in the world, it has huge reserves of oil and gas and plays a significant role in the global energy market. Western countries have long been Russia's key partners in this area, most of Russia's resource exports came from Europe, as well as imported technologies and financing for the development of the Russian fuel and energy sector came from the West. Since March 2014, the United States, EU countries and their allies have been imposing sanctions against Russia in order to counter its actions in Ukraine. The sanctions pressure exerted on the Russian energy sector is designed to weaken the Russian economy and provide some control over the actions of the Russian Federation by putting pressure on one of the most important areas for Russia. In this regard, the energy policy of the Russian Federation is undergoing fundamental changes related to the

need to take measures to counter anti-Russian sanctions, ensure the country's energy security and preserve economic stability. The transformation of the energy sector today has a global scale. Practically no State manages to remain indifferent to these changes. This process will have strategic consequences for Russia. The position of the Russian Federation in the future depends on how the energy sector adapts now. The purpose of this work is to identify the main consequences of energy sanctions for Russia's political course and to characterize the country's energy policy during the sanctions period. Special attention is paid to the definition of the main directions of sanctions pressure and the impact of this pressure on the subsequent energy policy of Russia.

Keywords: energy policy, energy of the Russian Federation, anti-Russian sanctions, energy resources, price ceiling

Anastasiya A. Kutuzova

The “Politics of memory” in the European Union:
analysis of approaches and prospects for transformation

The article examines approaches to the “politics of memory” in European countries and raises the question of whether there is a unified discourse on the management of history in different states. There are “cosmopolitan”, “antagonistic” and “agonal” discourses, which successively replaced each other at the end of the 20th – beginning of the 21st century. The previous consensus was undermined when the European community faced a new challenge to expand and incorporate the different cultures of Eastern European countries into its culture. These countries have characteristic features in the context of the use of history in modern politics and therefore cannot fully integrate into the political space of Europe, splitting it in the field of “memory studies” and bringing to the fore such a phenomenon as “memory wars”, which in turn leads to protracted conflicts of values in which distorted facts, falsifications of history and other methods to discredit your opponent. The characteristics inherent in each of the approaches are given, and the documents adopted in the EU during this period, which are important for historical policy, are considered. The conclusion is made about the possibility of applying these discourses and the existence of a single trend in Europe.

Keywords: memory policy, historical policy, integration, European values, identification, memory wars

Anna A. Subbotina

Political stability as a factor of political survival
for local leaders in a competitive election model
(examples of Perm Region and Sverdlovsk Region)

Empirical studies regarding the political survival of subnational leaders in Russia suggest that the traditional dichotomy of “economic performance – electoral loyalty” is insufficient to fully explain the observed phenomenon. This prompts us to consider other factors contributing to the “survival” of governors and mayors, one of which is political stability. This paper focuses on local politics and the “survival” of local leaders. How does political stability influence the retention of mayoral positions in a competitive election model?

The relationships between regional governance and local leaders are examined within the framework of principal-agent theory. It is assumed that a governor tends to support mayors capable of maintaining political stability in the municipality – consolidating local elites and avoiding intra-elite conflicts. As a method for empirically identifying political stability, we propose examining the characteristics of the contest process: the level of conflict and the degree of consolidated voting among deputies. A total of 111 contests conducted in Perm Region and Sverdlovsk Region from 2015 to 2022 were analyzed. Using logistic regression, it was found that a prior conflict-ridden contest reduces a mayor’s chances of being re-elected in a new contest. This observation confirms the hypothesis of political stability as a significant factor in the political survival of local leaders, suggesting a gradual shift in the requirements that a governor imposes on a mayor. The paper proposes a method for operationalizing political stability through an analysis of the contest process, but intra-elite relations outside of contests remain outside the scope of the study, emphasizing the need for a more precise indicator of political stability within a municipality.

Keywords: political survival, political stability, local politics, principal-agent relations, local leaders, regional government, contest, conflict, competitiveness

Andrei S. Shushlebin

Methods of countering coup attempts on the example of events in Belarus and Kazakhstan in 2020–2022

The article examines the methods of countering coup attempts in Belarus in 2020 and in Kazakhstan in 2022. The conditions and distinctive characteristics of these events are revealed. A comparative analysis of the methods of countering coups in Belarus and Kazakhstan has been carried out, according to the results of which their common and distinctive features are highlighted. An explanation of the differences in the tool for countering coups in these cases is proposed.

Keywords: coup d'état, political protest, political challenge, revolution, color revolution

Matvei A. Kanifatov

The impact of ethnopolitical conflicts on federal relations in modern Russia: institutional aspects and politics of memory

The paper is devoted to the analysis of federal relations in Russian Federation. One of the most crucial characteristics of Russian federalism is its de facto asymmetry, which implies a unique position of national republics in the political system. Ethnopolitical conflict as a special case of conflicts of interests in federations is a critical area for political analysis. In particular, the research deals with the challenges that the Russian federal government faces throughout federative bargaining: successfully mediating conflicts and balancing between public and non-public decisions. By analyzing such cases as changing the governor of Republic of Tatarstan title and introducing a new chapter in a school textbook on history, the paper explores the peculiarities of solving institutional problems and emerging issues implementing politics of memory. Analyzing the peculiarities in the behavior of the Russian federal government in such political crises helps us understand the current state of federal relations in Russia.

Keywords: federalism, federal relations, regions, national republics, ethnopolitical conflicts

Makarîi A. Nikolskii

Subjectness of the European Union
in geopolitical processes: challenges 2019–2023

The article is devoted to the analysis of the ability of the European Union to represent a subject actor in the framework of modern geopolitical processes. The author argues that a number of crises that occurred in the period 2019–2023 (COVID-19, the Russian special military operation in Ukraine, the escalation of the Arab-Israeli conflict) reflects the degree of readiness of members of the European Union to act as a single entity in confronting the consequences.

At the same time, counteracting crises is complicated by various forms of asymmetry that were originally laid down during the process of integration within the framework of the geopolitical project. That is reflected in articulating the aspirations of the actors regarding the further development and in manifestation of a single position.

It is observed in all aspects of the geopolitical subjectness of the European Union: in development and optimization of the institutions of the Common Foreign and Security Policy, in the ability to initiate geopolitical projects and in positioning as a geopolitical entity representing a united Europe.

On the one hand, the author shows how the costs of integration create tension within the system. In particular it refers to the legal interaction between member states and supranational association. On the other hand, it is outlined that the current configuration of the institutions and actors of the EU does not allow, in case of contradictions, reach a unified position on key issues. This reduces the effectiveness of countering external and internal crises.

The EU is a geopolitical project with poor manageability. The situation is aggravated by external crises that increase instability. In these circumstances the internal tensions expose the entire system to the danger of collapse and reduce the subjectness of this actor in the geopolitical landscape.

Keywords: European Union, integration, institutions, geopolitical project, geopolitical subjectness

Сведения об авторах

Брад Андрей Николаевич, студент факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; bradandrei@mail.ru

Еремина Анастасия Андреевна, студентка факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; Stasya.Nyaa@mail.ru

Канифатов Матвей Артемович, студент факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; makanifat@gmail.com

Котова Полина Сергеевна, студентка факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; polinaiskotova@yandex.ru

Кутузова Анастасия Александровна, студентка факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; anasteishakutuzova@yandex.ru

Миклушова Дарьяна Владимировна, студентка исторического факультета, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, darianamkl@gmail.com

Михайлина Мария Сергеевна, магистрант факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; mihajlina299@gmail.com

Никольский Макарий Александрович, студент факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, makariy.nikolskiy@mail.ru

Субботина Анна Александровна, студентка историко-политологического факультета, Пермский государственный национальный исследовательский университет, annasubbotina1000@gmail.com

Шушлебин Андрей Игоревич, магистрант исторического факультета, Воронежский государственный университет; duck2000@mail.ru

Data about the authors

Brad Andrei N., student, Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Regional Studies, Institute of History and Archives, Russian State University for the Humanities; bradandrei@mail.ru

Eremina Anastasiya A., student, Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Regional Studies, Institute of History and Archives, Russian State University for the Humanities; Stasya.Nyaa@mail.ru

Kanifatov Matvei A., student, Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Regional Studies, Institute of History and Archives, Russian State University for the Humanities; makanifat@gmail.com

Kotova Polina S., student, Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Regional Studies, Institute of History and Archives, Russian State University for the Humanities; polinaiskotova@yandex.ru

Kutuzova Anastasia A., student, Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Regional Studies, Institute of History and Archives, Russian State University for the Humanities; anasteishakutuzova@yandex.ru

Miklushova Dar'yana V., student, Russian State University for the Humanities, Institute for History and Archives, Faculty of History; darianamkl@gmail.com

Mikhailina Mariya S., master's student, Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Regional Studies, Institute of History and Archives, Russian State University for the Humanities; mihajlina299@gmail.com

Nikolskiy Makariy A., student, Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Regional Studies, Institute of History and Archives, Russian State University for the Humanities, makariy.nikolskiy@mail.ru

Subbotina Anna A., student, Faculty of History and Political Science, Perm State National Research University, annasubbotina1000@gmail.com

Shushlebin Andrei S., master's student, Faculty of History, Voronezh State University; duck2000@mail.ru

Корректор *О.К. Юрьев*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Электронная версия издания
gumakcentrggu.ru

Уч.-изд. л. 6,0.
Заказ № 1953

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru